

ЭДУАРД СЕРОУСОВ

МЕМОРИАЛЫ
ВЫМЕРШИХ

Эдуард Сероусов

Мемориалы вымерших

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72497824

SelfPub; 2025

Аннотация

В мире будущего археолог Александра Ковальская исследует артефакты вымерших инопланетных цивилизаций. Открыв устройство, позволяющее погружаться в воспоминания исчезнувших рас, она обнаруживает пугающую закономерность: все развитые культуры были методично уничтожены загадочной сущностью – Архивариусом. Поглощая воспоминания давно умерших существ, Александра превращается в живой мост между цивилизациями, между прошлым и будущим. Теперь, когда опасность приближается к Земле, ей предстоит не только защитить человечество, но и переосмыслить саму природу существования, памяти и наследия. Что значит по-настоящему исчезнуть? И может ли трансформация стать альтернативой уничтожению?

Содержание

Часть II: Осколки цивилизаций	66
Конец ознакомительного фрагмента.	127

Эдуард Сероусов

Мемориалы вымерших

Часть I: Пробуждение памяти

Глава 1: Пыль веков

Александра Ковальская осторожно провела биомеханическим протезом над поверхностью артефакта, не касаясь его. Встроенные датчики высвечивали на ее ретинальном дисплее данные молекулярного анализа. Предмет, напоминающий изогнутую пластину с узором из переплетающихся линий, был создан примерно двенадцать тысяч лет назад. Материал – композит на основе редкоземельных элементов с примесью неизвестного органического вещества.

– Вы опять забыли поесть, доктор Ковальская, – раздался голос за ее спиной.

Александра не обернулась. Ее глаза, темно-серые и предельно сосредоточенные, продолжали изучать данные.

– Ценность артефакта Зета-восемь-девять-три превышает ценность питательного рациона, – ответила она наконец, аккуратно помещая предмет в контейнер с регулируемой атмосферой.

Доктор Михаил Левински вздохнул. Седовласый мужчина с измученным, но все еще живым лицом подошел ближе, опираясь на магнитную трость – необходимость после последнего обострения его болезни.

– Если вы умрете от истощения, Саша, ценность вашего мозга для науки существенно снизится.

Теперь она позволила себе улыбку – тонкую, едва заметную, словно редко используемый мышечный навык.

– Не драматизируйте, Михаил. Моя последняя метаболическая коррекция была семь часов назад.

– Двенадцать, – возразил Левински, указывая на хронометр, парящий в углу лаборатории. – Вы потеряли счет времени. Снова.

Александра моргнула, глядя на время. Действительно, почти полночь. Последние шесть часов выпали из ее сознательной памяти, растворившись в гипнотическом процессе исследования.

Они находились в глубине Галактического института археологии – орбитальной станции, зависшей над ночной стороной Земли. Огромная конструкция, напоминающая перевернутую пирамиду, содержала самую обширную коллекцию инопланетных артефактов, когда-либо собранных человечеством. И все эти артефакты принадлежали мертвым цивилизациям. Вымершим. Исчезнувшим.

Лаборатория Александры располагалась в нижнем сегменте станции, максимально изолированном от внешних воздействий. Стерильное помещение с прозрачными стенами, за которыми в тщательно контролируемых условиях хранились тысячи объектов, каждый – окно в погибшую культуру. Каждый – немой свидетель катастрофы, природу кото-

рой еще предстояло разгадать.

– Я принес вам кое-что, – произнес Левински, осторожно опускаясь в кресло напротив рабочего стола Александры. Его движения были скованными, неестественно точными – результат нейропротезирования, сдерживающего прогрессирующую нейродегенерацию. – Нечто, заслуживающее вашего полного внимания.

Александра подняла голову. В глазах Левински светилась странная смесь тревоги и возбуждения, которую она редко видела у своего обычно сдержанного наставника.

– Я закончил временную корреляцию всех известных исчезновений, – сказал он, активируя голографический проектор. В воздухе между ними возникла трехмерная карта изученной части галактики. Светящиеся точки разных цветов обозначали звездные системы с обнаруженными руинами. – Семнадцать подтвержденных вымерших цивилизаций. Еще двадцать три вероятных случая, основанных на косвенных доказательствах.

– Этот анализ мы завершили три месяца назад, – заметила Александра, машинально поправляя выбившуюся прядь коротких черных волос с преждевременной сединой.

– Я пошел дальше, – Левински сделал жест рукой, и голограмма трансформировалась, точки соединились линиями, образуя сложную геометрическую структуру. – Я применил новый алгоритм хронологической кластеризации, разработанный отделом квантовой астрофизики. И обнаружил это.

Структура начала вращаться, меняя ракурс, пока не превратилась в спираль, разворачивающуюся во времени.

– Это не случайное распределение, Саша. Это... волна. Волна исчезновений, движущаяся через галактику со скоростью примерно один световой год за восемь лет. Если наложить известные даты вымирания цивилизаций, возникает четкая последовательность.

Александра подалась вперед, глаза ее сузились. Десятки часов работы с артефактами научили ее распознавать закономерности там, где другие видели лишь хаос.

– Погрешность? – спросила она, не отрывая взгляда от спирали.

– Менее двух процентов при доверительном интервале девяносто пять процентов, – ответил Левински. – Я перепроверял трижды. Это не совпадение, Саша. Что-то или кто-то методично уничтожал развитые цивилизации на протяжении последних пятидесяти тысяч лет. И делал это по определенной схеме.

В лаборатории повисла тишина, нарушаемая лишь тихим гудением систем жизнеобеспечения.

– Почему вы не представили эти данные на общем совете? – спросила наконец Александра.

Левински горько усмехнулся, и в этой усмешке было что-то от его прежней, здоровой личности – острый ум, бросающий вызов условностям.

– И рискнуть репутацией перед Комитетом? Нет, Саша.

Эта гипотеза слишком... взрывоопасна. Ею должен заняться кто-то с безупречными научными методами и достаточно молодой карьерой, чтобы пережить возможный скандал.

Он посмотрел на нее многозначительно, и Александра поняла, что он имеет в виду.

– Вы предлагаете мне выдвинуть эту гипотезу? – спросила она.

– Именно, – кивнул Левински. – У вас репутация блестящего, хоть и эксцентричного ученого. Даже те, кто считает вас социально неадаптированной, признают остроту вашего интеллекта. Если кто-то и может заставить научное сообщество принять эту идею всерьез, то это вы, Саша.

Александра опустила взгляд на свою правую руку – биомеханический протез, заменивший конечность после аварии на ранней экспедиции. Она помнила боль, помнила страх потери возможности заниматься тонкой исследовательской работой. Протез оказался совершеннее плоти – с датчиками, способными анализировать структуру материи на молекулярном уровне, с идеальной точностью движений, с отсутствием дрожи даже после многочасовой работы.

– Вы знаете, что я не люблю публичных выступлений, – проговорила она.

– Знаю, – мягко сказал Левински. – Но иногда мы должны делать то, что не любим, ради того, что любим.

Александра посмотрела на голограмму, на спираль смерти, медленно разворачивающуюся сквозь пространство и

время. Эта закономерность... она была прекрасна в своей математической чистоте и ужасна в своих последствиях. Если проекция верна, то волна исчезновений неумолимо двигалась к человеческому пространству.

– Когда следующее заседание Совета? – спросила она.

Левински улыбнулся.

– Завтра в девять. Я уже внес вас в список докладчиков.

Ретинальный дисплей Александры показывал 8:57, когда она вошла в главный конференц-зал Института. Обширное помещение с амфитеатром из парящих кресел, расположенных полукругом вокруг центральной голографической платформы. Стены зала были прозрачными, открывая величественный вид на Землю и бескрайний космос.

Она ненавидела это место. Слишком открытое, слишком публичное. Ненавидела взгляды, направленные на нее, шепот, сопровождающий ее появление. Легендарная Александра Ковальская, гений ксеноархеологии, странный затворник, женщина, предпочитающая общество мертвых инопланетян живым людям.

Конференц-зал уже заполнялся. Ведущие ученые Института, представители Объединенного Земного Альянса, наблюдатели от Совета Колоний и даже несколько журналистов с аккредитацией – Александра с неудовольствием отметила их присутствие.

– Доктор Ковальская! – окликнул ее молодой ассистент, спеша навстречу. – Я подготовил все данные для вашей презентации. Они уже загружены в систему.

– Спасибо, Чен, – она кивнула, не глядя на него.

Джеймс Чен, недавний выпускник, приставленный к ней Левински – якобы для помощи, но на самом деле, она подзревала, чтобы хоть немного социализировать ее. Он был компетентен и, что важнее, не болтлив, что делало его присутствие терпимым.

– Нервничаете? – спросил он, помогая ей разместить образцы на демонстрационном столе.

– Нет, – солгала Александра.

Ее биомеханическая рука безупречно выполняла тонкие манипуляции, в то время как левая, живая, едва заметно дрожала. Она сжала ее в кулак, скрывая эту слабость.

– Пункт четвертый повестки, – объявил председатель собрания, пожилой профессор Тан, – «Темпоральные закономерности в исчезновении внеземных цивилизаций». Докладчик – доктор Александра Ковальская.

Зал затих. Александра поднялась на центральную платформу, чувствуя, как десятки глаз сфокусировались на ней. Она не стала использовать заготовленное вступление, решив сразу перейти к сути.

– Я обнаружила доказательства систематического уничтожения развитых цивилизаций на протяжении последних пятидесяти тысяч лет, – сказала она ровным голосом.

По залу пронесся шепот. Кто-то откровенно хмыкнул.

– Доказательства представлены в форме темпоральной корреляции исчезновений семнадцати подтвержденных внеземных культур, – продолжила Александра, активируя голографическую проекцию – ту же спираль, что показывал ей Левински.

– Компьютер, увеличить центральный сегмент Модели-1, – скомандовала она.

Голограмма послушно изменила масштаб, фокусируясь на участке спирали с наибольшей концентрацией точек.

– Как вы можете видеть, исчезновения происходили в строгой последовательности, образуя волну, движущуюся через пространство со средней скоростью один световой год за восемь земных лет. Статистическая значимость этой корреляции превышает девяносто пять процентов.

Она заметила, как некоторые из присутствующих начали проявлять интерес, наклоняясь вперед и вглядываясь в данные на своих персональных дисплеях.

– Это может быть совпадением, – раздался голос из зала. Доктор Рамирес, известный скептик и давний оппонент Левински. – Выборка слишком мала для таких далеко идущих выводов.

– При семнадцати наблюдениях с пространственно-временным распределением такого типа вероятность случайного совпадения составляет примерно один к трем миллиардам, – парировала Александра. – Я предоставила полные

расчеты в сопроводительных материалах.

– Доктор Ковальская, – вмешался профессор Тан, – вы утверждаете, что эти цивилизации были уничтожены преднамеренно? Кем?

– У меня нет данных о причинах или исполнителях, – честно ответила Александра. – Я лишь констатирую факт закономерности. Однако, – она сделала паузу, – есть основания полагать, что эта закономерность продолжается и в настоящее время.

Она изменила масштаб голограммы, показывая экстраполяцию спирали к настоящему моменту и далее в будущее.

– Если тенденция сохранится, следующие исчезновения произойдут в этих системах, – она выделила несколько звезд на краю человеческого пространства. – А через приблизительно сорок три года волна достигнет Солнечной системы.

Теперь в зале воцарилась абсолютная тишина. Даже скептически настроенные ученые не могли полностью проигнорировать представленные данные.

– Это... тревожный анализ, доктор Ковальская, – наконец произнес Тан. – Но я должен отметить, что мы не имеем подтвержденных случаев контакта с агрессивными внеземными сущностями за всю историю исследования космоса.

– Отсутствие контакта не означает отсутствия угрозы, – возразила Александра. – Возможно, эта сущность, этот... агент исчезновений действует настолько эффективно, что не оставляет выживших, способных предупредить других.

– Или, – вмешался Рамирес с язвительной улыбкой, – возможно, все эти цивилизации вымерли по естественным причинам. Экологические катастрофы, эпидемии, внутренние конфликты. Мы знаем, что космические цивилизации хрупки. Наша собственная едва не уничтожила себя несколько раз.

Александра почувствовала, как ее раздражение нарастает. Он намеренно игнорировал статистическую аномалию, лежащую в основе ее гипотезы.

– Вероятность того, что семнадцать независимых цивилизаций исчезли по различным естественным причинам точно в том порядке, который описывается моей моделью, практически нулевая, – сказала она с нажимом. – Кроме того, я хотела бы обратить ваше внимание на характер археологических находок.

Она активировала следующий набор голограмм – изображения руин с различных планет.

– Ни на одном из исследованных объектов мы не обнаружили свидетельств войны, эпидемии или экологической катастрофы. Цивилизации просто... прекратили существование в момент своего расцвета. Без видимых причин.

– Это лишь доказывает, что мы не понимаем механизм их исчезновения, а не то, что существует злонамеренная сила, уничтожающая их, – возразил Рамирес.

Дискуссия продолжалась более часа. Александра представила дополнительные доказательства, включая сравнитель-

ный анализ архитектуры руин, показывающий, что все цивилизации исчезли на схожей стадии культурного развития, несмотря на различия в технологиях.

Но она видела, что большинство присутствующих не готовы принять ее теорию. Слишком пугающая, слишком чуждая устоявшимся представлениям. Проще верить в случайность, в естественные причины, чем в целенаправленное уничтожение.

К концу заседания Совет принял резолюцию о создании рабочей группы для дальнейшего изучения темпоральных закономерностей в исчезновении цивилизаций – компромисс, который Александра восприняла как полупоражение.

– Вы блестяще справились, – сказал Левински, когда они встретились в его кабинете после заседания. – Даже Рамирес не смог полностью опровергнуть вашу гипотезу.

Александра опустила в кресло, чувствуя необычную для себя усталость. Публичные выступления истощали ее сильнее, чем многочасовая работа с артефактами.

– Они не поверили, – констатировала она. – Создали комиссию, чтобы похоронить вопрос в бюрократии.

– Они испугались, – мягко поправил Левински. – И это хорошо. Страх – первый шаг к принятию неудобной истины. – Он помолчал, затем добавил: – Но теперь нам нужны более весомые доказательства.

Он поднялся с видимым трудом и подошел к сейфу, встроенному в стену. Приложил ладонь к сканеру, затем позволил устройству проверить сетчатку глаза. Сейф бесшумно открылся.

– То, что я собираюсь вам показать, Саша, официально не существует, – сказал Левински, извлекая небольшой контейнер из черного металла. – Я нарушаю как минимум три протокола секретности.

Он осторожно открыл контейнер. Внутри, в специальном креплении из амортизирующего материала, находился странный предмет размером с кулак взрослого человека. Он выглядел органическим и неорганическим одновременно – кристаллическая структура, окруженная чем-то, напоминающим окаменевшую плоть.

– Что это? – спросила Александра, наклоняясь ближе. Ее биомеханический протез автоматически начал сканирование, но данные поступали странные, противоречивые.

– Мы назвали его «Анамнезис», – ответил Левински. – От греческого «воспоминание». Он был обнаружен три месяца назад экспедицией «Аргус» в руинах цивилизации, которую мы назвали Алэтеей.

– Я не получала данных об этой экспедиции, – нахмурилась Александра.

– Потому что официально ее не было, – Левински закрыл контейнер. – Руины Алэтеи находятся в системе, которая в ближайшие пять лет попадает в вашу прогнозируемую «вол-

ну исчезновений». Точнее, попала бы, если бы там еще было кого уничтожать.

Александра почувствовала, как ускоряется ее пульс.

– Это подтверждает модель, – сказала она. – Вы должны были представить эти данные сегодня!

Левински покачал головой.

– Нет, Саша. Эта находка... она выходит за рамки обычной археологии. Мы обнаружили доказательства того, что алэтейцы знали о своей приближающейся гибели. Более того, они, похоже, встречались с тем, что вы называете «агентом исчезновений».

Он сделал паузу, словно собираясь с силами.

– Этот артефакт, Анамнезис, был создан для сохранения памяти. Но не просто записей или данных. Настоящей, живой памяти. Воспоминаний.

Александра смотрела на контейнер, пытаясь осмыслить услышанное.

– Вы проверяли его функциональность?

– Пытались, – кивнул Левински. – Безрезультатно. Наши нейроинтерфейсы несовместимы с технологией алэтейцев. Но теоретические модели показывают, что устройство способно создавать квантовую запутанность между сознанием пользователя и психическими отпечатками, сохранившимися в различных артефактах.

– Машина памяти, – пробормотала Александра. – Живой архив.

– Именно, – подтвердил Левински. – И я хочу, чтобы вы возглавили новую экспедицию к руинам Алэтеи. Официальную экспедицию на этот раз. С полным финансированием и ресурсами.

Александра подняла на него глаза, чувствуя, что за этим предложением стоит нечто большее.

– Почему я? – спросила она прямо.

Левински долго смотрел на нее, прежде чем ответить.

– Потому что Анамнезис реагирует на вас, Саша. Мы проверили его на двадцати трех субъектах. Никакой реакции. Но когда я втайне поднес его к вашей лаборатории, пока вы работали над алэтейской пластиной... – он указал на ее руку, – ваш протез зафиксировал квантовую флуктуацию. Устройство активировалось. Ненадолго, всего на несколько секунд, но этого достаточно. Оно выбрало вас.

Александра почувствовала странный холодок, пробежавший по позвоночнику. Не страх – она редко испытывала это чувство. Скорее, глубокое, необъяснимое чувство узнавания. словно ей напомнили о чем-то, что она всегда знала, но забыла.

– Когда мы отправляемся? – спросила она.

Левински улыбнулся.

– Я знал, что вы согласитесь. Подготовка займет две недели. Джеймс Чен будет вашим пилотом и техническим специалистом. Он уже работал с первой экспедицией.

– Чен? – Александра недоверчиво подняла бровь. – Он

всего лишь ассистент.

– С военным прошлым и опытом пилотирования исследовательских кораблей, – возразил Левински. – И, что важнее, он единственный из первой команды, кто добровольно вызвался вернуться. Остальные... скажем так, их опыт с руинами Алэтеи был не из приятных.

Александра нахмурилась.

– Вы что-то недоговариваете, Михаил.

Старый ученый тяжело вздохнул.

– Есть еще кое-что. Возможно, это ничего не значит, но...

Анамнезис обнаружили в устройстве, напоминающем саркофаг. На его поверхности была надпись. Наши ксенолингвистические алгоритмы смогли расшифровать только часть. – Он помолчал. – Там упоминается «Ковальская».

Александра застыла.

– Это невозможно, – сказала она наконец. – Цивилизация Алэтеи исчезла двенадцать тысяч лет назад. Они не могли знать мою фамилию.

– И тем не менее, – Левински посмотрел на нее с непонятным выражением, смесью тревоги и надежды. – Саша, я не мистик и не верю в предопределение. Но факты таковы: ваша модель исчезновений подтверждается находкой в Алэтее; устройство, созданное для сохранения памяти, реагирует только на вас; и на его хранилище начертано имя, идентичное вашему. Слишком много совпадений.

Александра молчала, перебирая в уме возможные объ-

яснения. Временная петля? Вмешательство неизвестной разумной силы? Искажение восприятия под влиянием инопланетной технологии?

– В любом случае, – сказала она наконец, – это необходимо исследовать. Я готова возглавить экспедицию.

Левински кивнул с видимым облегчением.

– Я подготовлю все необходимые документы. А теперь, – он указал на дверь, – идите отдыхать, Саша. Вам понадобятся силы.

Александра поднялась, но у двери остановилась.

– Михаил, – сказала она, не оборачиваясь, – если моя модель верна, и эта волна исчезновений реальна... что мы можем противопоставить силе, способной уничтожать целые цивилизации?

Левински долго молчал.

– Я не знаю, – сказал он наконец. – Но если алэтейцы создали Анамнезис как оружие против этой силы, возможно, ответ кроется в памяти. В знаниях, которые они пытались сохранить.

Александра кивнула и вышла, оставив Левински наедине с таинственным артефактом. Она направилась в свою лабораторию, где хранились тысячи фрагментов вымерших цивилизаций. Теперь каждый из них казался частью огромной головоломки, ключом к разгадке тайны, которая могла определить судьбу человечества.

Впервые за долгие годы Александра Ковальская чувство-

вала не только академический интерес, но и личную вовлеченность. Ее имя на саркофаге возрастом двенадцать тысяч лет... Совпадение? Или знак того, что она каким-то образом связана с тайной исчезнувших цивилизаций?

Она автоматически провела биомеханическим протезом над ближайшим артефактом, не глядя на показания датчиков. Ее мысли были далеко – на руинах планеты, вращающейся вокруг умирающей звезды, где погибшая цивилизация оставила послание, адресованное, возможно, лично ей.

Анамнезис. Воспоминание. Восстановление утраченного. Александра ощутила странное волнение при мысли о возможности прикоснуться к настоящим воспоминаниям существ, исчезнувших тысячелетия назад.

Земля медленно вращалась за прозрачной стеной лаборатории, голубая в своей хрупкой красоте. Александра смотрела на нее и думала о спирали смерти, неумолимо движущейся сквозь галактику. Сорок три года. Совсем немного для цивилизации, которая существует уже тысячелетия.

Ей предстояло найти ответы раньше, чем волна исчезновений достигнет человечества. И начать нужно было с руин Алэтеи, где кто-то или что-то двенадцать тысяч лет назад оставило артефакт, словно дожидаясь, когда Александра Ковальская придет за ним.

Глава 2: Пульс мертвой звезды

Исследовательский корабль «Персей» вышел из подпространственного коридора с легким импульсом, заставившим приборы на мостике на мгновение замерцать. Перед панорамным обзорным экраном возникла звезда – тусклая, красноватая, в агонии своего угасания. Вокруг нее вращались четыре планеты, три из которых давно превратились в безжизненные камни под воздействием расширяющейся звезды. Четвертая – дальняя – сохранила часть своей атмосферы и именно к ней направлялся корабль.

Александра стояла у обзорного экрана, не отрывая взгляда от приближающегося мира. В свете умирающей звезды планета казалась погруженной в вечные сумерки, окутанной красноватой дымкой.

– Вот она, Алэтея, – произнес Джеймс Чен, сидевший за панелью управления. – Пульсар WDL-84 и четвертая планета системы, неофициально названная по имени предполагаемой цивилизации.

– Древнегреческое слово, – машинально отметила Александра. – «Алэтейя» – непотаенность, несокрытость, истина.

– Поэтично, – кивнул Чен, ловко корректируя курс. – Хотя, думаю, сами обитатели называли свой мир как-то иначе.

Александра не ответила. Ее внимание привлекли показания сканеров дальнего действия, проецируемые на ретинальный дисплей. Радиоактивный фон планеты был умерен-

ным, атмосфера – разреженной, но пригодной для дыхания с использованием кислородных фильтров. Гравитация – 0,87 земной.

– Мы получаем сигнал от автоматических маяков первой экспедиции, – сообщил Чен. – Они расположены вокруг главного раскопа. Судя по всему, до нас никто не прилетал после их ухода.

– Посадка через сколько? – спросила Александра, проверяя свой скафандр.

– Сорок три минуты, – ответил Чен. – Я выбрал точку в километре от основного комплекса руин. Там есть подходящая площадка.

Александра кивнула и отправилась в лабораторный отсек корабля, где двое других членов экспедиции заканчивали подготовку оборудования. Доктор Кван, специалист по ксеноархитектуре, и техник Сингх, отвечающий за безопасность и работу с тяжелым оборудованием.

– Все системы проверены, доктор Ковальская, – отрапортовал Сингх, громадный мужчина с руками, модифицированными для сверхтяжелых работ. – Дроны-разведчики готовы к запуску, экзоскелеты и инструменты откалиброваны.

– Спасибо, Сингх, – кивнула Александра. – Доктор Кван, вы ознакомились с данными предыдущей экспедиции?

Кван, миниатюрная женщина с имплантированными в глазницы мультиспектральными визорами, выглядевшими как серебрястые линзы, развернула в воздухе трехмерную

карту раскопок.

– Да, хотя информация довольно обрывочная. Первая команда работала всего три дня, после чего была экстренно эвакуирована. Причины в отчете не указаны.

– Я знаю причины, – раздался голос Чена, вошедшего в отсек. – Я был там.

Все повернулись к молодому пилоту, который, казалось, смутился внезапным вниманием.

– Нас было шестеро, – начал он, подходя к карте. – Стандартная разведывательная группа. Мы обнаружили руины на третий день поисков. – Он указал на обширную низину у подножия горного хребта. – Здесь. Город. Или то, что от него осталось.

– Почему экспедицию эвакуировали? – спросила Александра.

Чен помедлил, подбирая слова.

– Официально – из-за возможного заражения неизвестным патогеном. Но на самом деле... люди начали видеть вещи. Слышать голоса. Дин, наш ксенобиолог, утверждал, что с ним разговаривают стены. Через день он попытался снять шлем, чтобы «лучше слышать». – Чен покачал головой. – После этого командир приказал возвращаться.

– А вы? – Александра внимательно посмотрела на него. – Вы что-нибудь видели или слышали?

– Нет, – ответил Чен после паузы. – Я единственный, кто ничего не испытывал. Возможно, поэтому доктор Левински

выбрал меня для этой миссии.

Сингх нервно хмыкнул.

– Отлично. Мы летим на планету, где люди сходят с ума. И нам об этом сообщают только сейчас.

– Ваше беспокойство понятно, – сказала Александра ровным голосом. – Но теперь мы предупреждены и подготовлены. Все члены команды получили нейропротекторные импланты перед вылетом. – Она слегка коснулась тонкого шрама за правым ухом. – Они должны защитить от психического воздействия, если таковое имеется.

– А если нет? – Сингх не выглядел убежденным.

– Тогда мы будем первыми, кто задокументирует случай массовой галлюцинации в условиях инопланетных руин, – сухо ответила Александра. – В любом случае, мы сначала отправим дронов и системы дистанционного мониторинга. Исследование начнем только при отсутствии непосредственной угрозы.

Она повернулась к голографической карте.

– Доктор Кван, отметьте саркофаг, о котором говорил Левински. Где именно его обнаружили?

Кван увеличила участок карты, фокусируясь на центральной части руин.

– Здесь. В структуре, которую первая экспедиция определила как храм или церемониальное здание. Саркофаг находился в подземной камере, обнаруженной с помощью георадаров.

– А артефакт? – спросила Александра.

– Анамнезис был извлечен и эвакуирован с планеты до того, как начались... инциденты, – ответил Чен. – Но саркофаг остался на месте. Слишком большой для транспортировки без специального оборудования.

– Который у нас теперь есть, – заметил Сингх, постукивая по массивному контейнеру с надписью «Молекулярный стабилизатор – только для археологических образцов».

– Внимание всем, – раздался механический голос по внутренней связи. – Начинаю процедуру посадки. Расчетное время – семь минут. Пожалуйста, займите безопасные позиции и активируйте защитные протоколы оборудования.

Члены экспедиции заняли места в амортизационных креслах. Александра почувствовала легкую вибрацию, когда корабль вошел в атмосферу Алэтеи. На мгновение обзорные экраны заполнились оранжевым свечением, затем оно угасло, и перед ними раскрылся вид на поверхность.

Мертвый мир в свете умирающей звезды. Обширные равнины, покрытые темно-красным песком. Горные цепи с острыми, неровными пиками, словно расколотыми гигантской силой. И посреди этого инопланетного пейзажа – геометрические структуры, слишком правильные, чтобы быть естественными. Руины Алэтеи.

Александра ступила на поверхность планеты, чувствуя

странное волнение. Ее биомеханическая рука самопроизвольно активировала сканирующие системы, анализируя состав почвы, атмосферы, фиксируя слабые электромагнитные колебания.

– Сканирую необычные энергетические сигнатуры, – сообщила она команде через внутреннюю связь. – Локализованные квантовые флуктуации, источник – направление главного комплекса руин.

– Подтверждаю, – отозвалась Кван, настраивая свои визоры. – Вижу энергетические аномалии в инфракрасном и ультрафиолетовом спектрах. Они... пульсируют. В унисон с пульсаром.

– Здесь нет жизни, – заметил Сингх, развертывая автоматическую станцию мониторинга. – Ни бактерий, ни спор, ни даже простейших органических соединений. Полная стерильность.

– Как в вакууме, – кивнул Чен, проверяя показания своего скафандра. – Но мы на планете с атмосферой. Пусть разреженной, но все же.

Александра медленно двинулась вперед, к руинам, возвышавшимся на горизонте. Остальные члены команды следовали за ней, сохраняя дистанцию и внимательно сканируя окружающую местность.

Через полчаса они достигли первых структур – низких, полуразрушенных зданий, напоминавших по форме морские раковины, спирально закрученные вокруг центральной оси.

Стены были сложены из материала, похожего на камень, но с металлическим отливом, словно минералы, из которых он состоял, содержали высокий процент проводящих элементов.

– Доктор Кван, ваше мнение? – Александра остановилась перед одним из наиболее сохранившихся зданий.

Ксеноархитектор осторожно коснулась стены специальным зондом.

– Композитный материал. Основа – минерал, близкий к базальту, но модифицированный. Я бы сказала, искусственно созданный сплав камня и металла. – Она отправила полученные данные на общий дисплей. – Структура выдерживает экстремальные температуры и давление. Идеально для мира с нестабильной звездой.

– Они знали, что их солнце умирает, – заметил Чен. – И строили соответственно.

– Да, но не только, – Кван указала на расположение зданий. – Смотрите, как они ориентированы. Все спиральные структуры закручены в одном направлении, противоположном вращению планеты. Словно... – она помедлила, – словно они пытались противодействовать чему-то. Замедлить что-то.

– Время? – предположил Сингх с нервным смешком.

– Возможно, – неожиданно серьезно ответила Кван. – В некоторых культурах Земли спираль символизировала время и его течение.

Александра прислушивалась к разговору вполуха. Ее внимание привлекла странная вибрация, ощущаемая через протез. словно сама земля под ногами пульсировала в медленном, гипнотическом ритме.

– Приближаемся к центральному комплексу, – сказала она, указывая на возвышающееся впереди сооружение. – Согласно данным первой экспедиции, именно там находится саркофаг.

Центральный комплекс руин представлял собой массивную структуру, напоминавшую одновременно храм и обсерваторию. Высокие спиральные колонны поддерживали куполообразную крышу с отверстием в центре, через которое, очевидно, древние алэтейцы наблюдали за звездами. У основания купола располагались многочисленные барельефы и надписи, высеченные в том же композитном материале, что и остальные здания.

– Я запускаю дронов-разведчиков, – сказал Сингх, активируя панель управления на своем наручном компьютере. – Пусть сначала они проверят внутренние помещения.

Шесть небольших сфер с множеством сенсоров отделились от его рюкзака и устремились к храму, проникая внутрь через открытые проемы и трещины в стенах.

– Структурная целостность – семьдесят восемь процентов, – прокомментировал Сингх, глядя на поступающие данные. – Радиационный фон в пределах нормы. Атмосфера внутри идентична внешней. Обнаружены следы деятельно-

сти первой экспедиции – маркеры, временные опоры, оборудование для сканирования.

Он увеличил изображение с одного из дронов.

– Вот тут они начали раскопки. Видите? Пол частично вскрыт, открыт проход в нижний уровень.

– Саркофаг должен быть там, – кивнула Александра. – Данные говорят о подземной камере примерно в двадцати метрах под главным залом.

– Дроны не фиксируют никаких признаков патогенов или токсичных веществ, – продолжал Сингх. – Но электромагнитные аномалии усиливаются ближе к центру структуры.

Александра посмотрела на умирающую звезду, висящую над горизонтом. Красный гигант, медленно превращающийся в белого карлика. Пульсар, ритмично сжимающийся и расширяющийся в предсмертной агонии. Она вдруг поняла, что вибрация, которую она ощущала через протез, точно совпадала с пульсацией звезды.

– Здание каким-то образом резонирует с пульсаром, – сказала она. – Словно... усиливает его излучение или трансформирует его.

– Искусственный квантовый резонатор? – предположила Кван. – Технология, значительно превосходящая нашу. Если они действительно могли манипулировать квантовыми состояниями на таком масштабе...

– Нас ждет саркофаг, – прервала ее Александра. – Давайте сначала займемся им. Сингх, Кван – вы остаетесь здесь, ко-

ординируете работу дронов и внешних систем мониторинга. Чен – вы идете со мной.

– Есть, доктор Ковальская, – кивнул Чен.

Они осторожно вошли внутрь храма. Свет умирающей звезды, проникавший через отверстие в куполе, окрашивал внутреннее пространство в глубокие красные тона, создавая впечатление, будто они находятся внутри огромного живого сердца. Стены были покрыты спиральными узорами и письменами, напоминавшими математические формулы. Пол – мозаика из темного материала, изображавшая звездное небо, но с созвездиями, неизвестными человечеству.

– Здесь, – Чен указал на участок пола, где мозаика была нарушена. – Первая экспедиция обнаружила скрытую камеру под этим сегментом.

Они подошли ближе. В полу зиял проем диаметром около двух метров, окруженный временными опорами из сверхпрочного сплава. Внутри виднелась шахта, уходящая вертикально вниз, с металлическими скобами, вмонтированными в стены.

– Стандартная процедура безопасности, – напомнила Александра. – Я спускаюсь первой, вы следуете на безопасном расстоянии. Постоянный мониторинг всех показателей.

Она активировала дополнительные сканеры в своем протезе и начала спуск. Шахта оказалась удивительно гладкой и ровной, словно вырезанной лазером в монолитной породе. По мере спуска Александра замечала, что спиральные узоры

на стенах становятся все более сложными и детализированными, словно концентрируясь вокруг чего-то важного внизу.

Через несколько минут она достигла дна шахты, которое открывалось в просторную круглую камеру. В центре камеры, на возвышении из того же композитного материала, находился саркофаг – массивная конструкция около трех метров в длину и полутора в ширину, покрытая спиральными узорами и надписями.

– Я вижу саркофаг, – сообщила она по коммуникатору. – Он... выглядит нетронутым.

Чен спустился следом за ней и замер, глядя на величественное сооружение.

– Я был здесь с первой экспедицией, – сказал он тихо. – Но тогда мы только обнаружили камеру и начали сканирование. До физического контакта с саркофагом дело не дошло.

Александра медленно подошла ближе, изучая поверхность саркофага. Письмена покрывали его полностью, спирально закручиваясь к центру крышки, где располагался странный символ – нечто среднее между восьмеркой и знаком бесконечности, но с дополнительными элементами, делавшими его похожим на абстрактное изображение глаза.

– Вы видите это? – она указала на группу символов у основания саркофага. – Ксенолингвистические алгоритмы Левински распознали именно этот участок как содержащий мое имя.

Чен присел, внимательно изучая указанные знаки.

– Я не лингвист, – признался он. – Но даже визуально эти символы отличаются от остальных. Они выглядят... новее? Словно добавлены позже.

Александра провела биомеханическим протезом над надписью, не касаясь поверхности. Датчики показали аномальную концентрацию квантовых флуктуаций вокруг этих конкретных символов.

– Необычно, – пробормотала она. – Очень необычно.

Она перевела внимание на символ в центре крышки саркофага и осторожно приблизила к нему руку. По мере приближения вибрация, которую она ощущала через протез, усиливалась, становясь почти болезненной.

– Что-то происходит, – сказала она. – Саркофаг реагирует на мое присутствие.

В тот же момент символ в центре крышки начал светиться слабым голубоватым светом, контрастирующим с красноватым освещением камеры. Свечение пульсировало, но не в такт с далеким пульсаром, а в противофазе – сжимаясь, когда звезда расширялась, и расширяясь, когда та сжималась.

– Доктор Ковальская, – напряженно сказал Чен, – возможно, нам стоит отойти и запросить дополнительный анализ.

Но Александра словно не слышала его. Ее внимание было полностью сосредоточено на светящемся символе. Она чувствовала непреодолимое желание коснуться его, словно он звал ее, притягивал к себе.

– Я должна увидеть, что внутри, – произнесла она тихо. –

Должна понять.

– Доктор Ковальская! – Голос Чена казался далеким, приглушенным. – Пожалуйста, остановитесь! Мы не знаем, что может...

Его слова оборвались, когда Александра решительно положила руку на светящийся символ. В тот же миг комната наполнилась ослепительным голубым светом, исходящим из всех письмен и узоров на саркофаге. Крышка начала медленно подниматься, словно открываемая невидимой силой.

Александра почувствовала, как что-то – энергия, информация, она не могла описать это словами – устремилось через ее протез в тело, распространяясь по нервным окончаниям, достигая мозга. Последнее, что она увидела перед тем, как потерять сознание – странный кристаллический объект внутри саркофага, пульсирующий в унисон с ее сердцебиением.

Пробуждение было медленным, мучительным. Александра ощущала каждый нерв своего тела, каждое нейронное соединение в мозгу, словно они были отмечены раскаленными иглами. Сквозь полузакрытые веки она видела размытые силуэты, слышала приглушенные голоса.

– ...стабилизируется, но мозговая активность все еще аномальная...

– ...следует немедленно эвакуировать...

– ...нельзя двигать в таком состоянии...

Постепенно зрение прояснялось. Она находилась в медицинском отсеке корабля «Персей». Над ней склонились обеспокоенные лица Чена и Квана. Сингх стоял у двери, нервно переминаясь с ноги на ногу.

– Она приходит в себя, – сказала Кван, заметив движение глаз Александры. – Доктор Ковальская, вы меня слышите?

Александра попыталась ответить, но горло было сухим, словно наждачная бумага. Чен быстро поднес к ее губам влажную губку, позволяя впитать немного влаги.

– Что... произошло? – наконец выдавила она.

– Энергетический выброс, – ответил Чен, глядя на нее с тревогой. – Когда вы коснулись саркофага, произошла какая-то реакция. Я едва успел вытащить вас оттуда перед тем, как весь храм начал... резонировать.

– Артефакт, – Александра попыталась подняться, но тело отказывалось подчиняться. – Там был артефакт внутри саркофага. Мы должны вернуться...

– Он здесь, – Кван указала на герметичный контейнер, стоящий на столе у противоположной стены. – Чен успел извлечь его перед эвакуацией. Но мы не открывали контейнер в ожидании ваших инструкций.

Александра перевела взгляд на свою правую руку. Биомеханический протез выглядел иначе – тоньше, изящнее, с едва заметным голубоватым свечением в микроскопических трещинах между пластинами.

– Он изменился, – заметила она, пытаясь пошевелить металлическими пальцами. – Реконфигурировался.

– Мы заметили, – кивнул Чен. – Но все диагностические тесты показывают нормальную функциональность. Даже улучшенную в некоторых аспектах.

Александра чувствовала странное покалывание в протезе, словно через него проходил слабый электрический ток. Но это не было неприятным ощущением – скорее, ощущением повышенной чувствительности, словно он стал еще больше частью ее, чем раньше.

– Как долго я была без сознания? – спросила она.

– Восемнадцать часов, – ответила Кван. – Мы уже покинули орбиту Алэтеи и направляемся к ближайшему подпространственному узлу. Согласно протоколу, мы должны доставить вас в медицинский центр Института как можно скорее.

– Нет, – Александра снова попыталась подняться, на этот раз успешно. – Мы должны... – Она внезапно замолчала, глядя прямо перед собой.

Перед ее внутренним взором возникли образы – яркие, отчетливые, словно воспоминания, но не ее собственные. Высокие, гуманоидные существа с удлинненными головами и четырьмя глазами, расположенными симметрично. Мир под красным солнцем, города со спиральной архитектурой. Научные лаборатории с оборудованием, принципы работы которого она странным образом понимала. И страх – глубоко-

кий, всепоглощающий страх перед чем-то приближающимся, неизбежным.

– Доктор Ковальская? – голос Чена вернул ее к реальности. – Вы в порядке?

– Я... видела их, – произнесла она тихо. – Алэтейцев. Их мир. Их знания.

Она перевела взгляд на контейнер с артефактом.

– Откройте его, – приказала она. – Я должна увидеть артефакт.

Сингх выглядел встревоженным.

– Доктор, после того, что произошло, я не думаю, что это безопасно...

– Откройте контейнер, – повторила Александра с неожиданной властностью в голосе. – Это приказ.

Чен и Кван обменялись взглядами, затем Чен медленно подошел к контейнеру. Он ввел код на панели доступа, и герметичная крышка с тихим шипением отошла в сторону, открывая содержимое.

Внутри на подставке из амортизирующего материала лежал кристаллический объект размером с кулак – тот самый, который Александра видела в саркофаге перед потерей сознания. Теперь, при обычном освещении, он казался почти прозрачным, с сложной внутренней структурой, напоминавшей органическую нейронную сеть, заключенную в кристаллическую решетку.

– Это Анамнезис, – сказала Александра, глядя на арте-

факт. – Левински был прав. Устройство для сохранения памяти.

Она осторожно приблизилась к контейнеру. По мере приближения артефакт начал тускло светиться изнутри тем же голубоватым светом, что и символы на саркофаге.

– Он реагирует на вас, – отметил Чен с тревогой в голосе. – Как и саркофаг.

– Да, – кивнула Александра. – Потому что мы теперь связаны. – Она подняла свой измененный протез. – Через это. Саркофаг был... настройщиком. Он создал квантовую запутанность между мной и Анамнезисом.

Она говорила слова, значение которых не полностью понимала, словно кто-то другой использовал ее голос.

– Мы должны вернуться на Землю, – сказала она, отворачиваясь от артефакта. – Немедленно. И мне нужен прямой контакт с доктором Левински. Это важнее, чем мы думали.

В ее глазах появилось новое выражение – смесь решимости и странной отрешенности, словно часть ее сознания находилась где-то далеко.

– Саша, – мягко сказал Чен, впервые используя ее имя вместо формального обращения, – что случилось там, в саркофаге? Что вы видели?

Александра посмотрела на него долгим взглядом.

– Я видела конец мира, Джим, – ответила она тихо. – И то, что скоро придет за нашим.

В тот момент, словно в подтверждение ее слов, медицин-

ское оборудование в отсеке начало хаотично мигать, реагируя на внезапный выброс энергии. А в ее сознании снова возникли чужие воспоминания – ученый алэтеец, склонившийся над устройством, которое он назвал Анамнезисом, торопливо работающий, зная, что времени почти не осталось. И имя, которое он шептал, словно молитву – имя, звучавшее удивительно похоже на «Ковальская».

Секретариат ПАС

Исторический

Исторический

Исторический

Исторический

Исторический

Исторический

Глава 3: Чужие воспоминания

Сквозь туман полусознания Александра ощущала движение. Ее перемещали, говорили о ней, над ней работали медицинские устройства. Периодически она выныривала из этого состояния, открывала глаза, видела незнакомые стены, людей в защитных костюмах, слышала обрывки фраз о «нейронной активности» и «квантовой запутанности», а потом снова погружалась в странное состояние между сном и явью.

В этом промежуточном пространстве ее ждали не сны, а воспоминания – яркие, детальные, чужие. Она видела Алэтею в период расцвета – города с винтовой архитектурой под еще молодым красным солнцем, процветающую цивилизацию, освоившую космос и квантовую инженерию. Видела их искусство – сложные пространственные композиции, меняющие форму в зависимости от положения наблюдателя, музыку, основанную на математических последовательностях квантовых состояний.

И она видела их конец – появление странной, меняющей форму сущности на окраине их звездной системы. Существа, которое алэтейцы называли «Собирателем». Оно не атаковало, не проявляло агрессии. Оно просто... наблюдало. Изучало. А затем, когда изучение было завершено, начало процесс «коллекционирования» – систематического копирования всех аспектов их культуры, знаний, искусства. И когда копирование было завершено, цивилизация просто переста-

ла существовать. Не разрушение, не катастрофа – а методичное и абсолютное стирание.

Лишь небольшая группа ученых, осознавших намерения Собирателя, успела создать устройство – Анамнезис, способное сохранить не просто информацию, но живую память, и спрятать его в саркофаге, настроенном на активацию только при контакте с определенным типом разума. Последний акт сопротивления исчезновению.

Все это проносилось в сознании Александры, пока ее тело перемещали из корабля в какое-то защищенное помещение. Образы, воспоминания, знания чуждой культуры вплетались в ее собственные нейронные сети, становясь частью ее самой. И в центре этого калейдоскопа памяти – образ ал-этейского ученого, создателя Анамнезиса, чье имя в транслации их языка на человеческий звучало почти идентично ее собственному.

Когда Александра окончательно пришла в себя, она лежала на медицинской кровати в просторной, хорошо освещенной комнате. Не больничная палата – скорее, исследовательская лаборатория, модифицированная для содержания пациента. Вокруг нее располагалось множество мониторов, отслеживающих ее жизненные показатели и нейронную активность. Ее правая рука – измененный биомеханический протез – была помещена в прозрачный контейнер с множеством

сенсоров.

– Наконец-то вы с нами, доктор Ковальская, – раздался женский голос.

Александра повернула голову. У противоположной стены стояла женщина средних лет в белом лабораторном халате. Высокая, стройная, с короткими седеющими волосами и пронизательными серыми глазами. На груди – идентификационная карта с надписью «Д-р Елена Новак, нейроксенолог».

– Где я? – спросила Александра, обнаружив, что ее горло пересохло.

Доктор Новак подошла ближе, поднося стакан с водой.

– База «Тезей», – ответила она, помогая Александре приподняться. – Специализированный исследовательский центр Галактического института, о существовании которого знают немногие.

Александра осторожно отпила воды. Сознание прояснялось, и она начинала лучше воспринимать окружающую обстановку.

– Как долго я была без сознания?

– Четыре дня, – Новак проверила показания мониторов. – Хотя «без сознания» – не совсем точное определение. Ваш мозг проявлял исключительно высокую активность, особенно в областях, связанных с долговременной памятью и языковыми центрами.

Александра попыталась пошевелить правой рукой, но об-

наружила, что контейнер, в котором она находилась, ограничивал движения.

– Зачем это? – она кивнула на контейнер.

– Мера предосторожности, – ответила Новак. – Ваш протез претерпел значительные изменения после контакта с инопланетным артефактом. Мы все еще изучаем природу этих изменений. – Она сделала паузу. – Вы помните, что произошло на Алэтее?

Александра кивнула. Воспоминания были кристально ясными – и свои, и чужие.

– Я коснулась саркофага. Он активировался. Анамнезис создал квантовую запутанность с моим протезом, а через него – с моим мозгом. И я получила доступ к воспоминаниям, сохраненным в устройстве.

Она говорила спокойно, словно описывала обычную научную процедуру, а не экстраординарное событие.

– Интересно, – Новак изучающе посмотрела на нее. – То есть вы осознаете, что эти воспоминания не ваши? Что они принадлежат представителям вымершей цивилизации?

– Конечно, – Александра слегка нахмурилась. – Я не страдаю от психоза или диссоциативного расстройства, доктор Новак. Я полностью осознаю, кто я и что со мной произошло.

– Рада это слышать, – кивнула Новак, делая пометки на планшете. – Некоторые из моих коллег предполагали возможность полной ментальной колонизации – замещения вашей личности чужой. Я рада, что они ошиблись.

Она подошла к одному из мониторов и вывела на экран серию сканов мозга.

– Это ваши снимки до экспедиции. А это – сделанные вчера. Видите разницу?

Александра внимательно изучила изображения. Даже без медицинского образования она могла заметить изменения – более интенсивное кровоснабжение определенных участков мозга, новые нейронные связи, особенно в областях, отвечающих за память, языковые функции и пространственное мышление.

– Мой мозг адаптируется, – сказала она. – Интегрирует новую информацию, создает структуры для ее хранения и обработки.

– Именно, – подтвердила Новак. – Это похоже на то, что происходит при изучении нового языка или сложного навыка, но в ускоренном и интенсифицированном виде. Ваш мозг буквально перестраивает себя, чтобы вместить чужие воспоминания и знания.

Александра внезапно ощутила глубокую усталость. Поток информации, обрушившийся на нее, начинал ощущаться как тяжесть.

– Доктор Левински, – вспомнила она. – Он знает о моем состоянии?

– Он здесь, – ответила Новак. – Ждет, когда вы будете готовы к разговору. – Она помедлила. – И так же, как и Анамнезис. В соседней лаборатории, под постоянным наблюдением.

нием.

Упоминание об артефакте вызвало неожиданную реакцию – Александра почувствовала легкое покалывание в правой руке, словно протез отзывался на мысль об устройстве.

– Я хочу видеть их обоих, – сказала она. – И снимите это. – Она кивнула на контейнер, ограничивающий движения протеза. – Он не представляет опасности. Он просто... изменился.

Новак выглядела неуверенной.

– Протокол требует...

– Я не могу полноценно функционировать с ограниченной подвижностью, – перебила ее Александра. – А вам нужно, чтобы я функционировала, если вы хотите понять, что произошло.

Новак колебалась еще мгновение, затем кивнула и подошла к контейнеру. Введя код доступа, она деактивировала защитное поле, и прозрачные стенки бесшумно опустились.

Александра осторожно подняла правую руку, внимательно изучая изменения. Протез действительно выглядел иначе – более органичным, с плавными линиями вместо прежних механических сочленений. Поверхность приобрела слабый перламутровый оттенок с голубоватыми прожилками, пульсирующими в такт ее сердцебиению.

– Удивительно, – пробормотала она, сгибая и разгибая металлические пальцы. – Полная реконфигурация на молекулярном уровне. Самоадаптирующаяся система, интегриро-

ванная с нейронной структурой мозга.

Она говорила термины и концепции, которых не знала раньше, но которые теперь казались естественными, словно всегда были частью ее словарного запаса.

– Вы понимаете, что произошло с вашим протезом? – спросила Новак с явным интересом.

– Частично, – кивнула Александра. – Анамнезис использовал его как проводник, как интерфейс между своей квантовой структурой и моим мозгом. Но в процессе передачи информации протез сам подвергся трансформации. – Она сделала паузу, подбирая слова. – Он стал чем-то вроде... переводчика. Устройства, способного интерпретировать и передавать данные между различными типами сознания.

– Между человеческим и алэтейским? – уточнила Новак.

– Не только, – Александра покачала головой. – Анамнезис был создан как универсальный хранитель памяти. Он способен взаимодействовать с любым типом разумного сознания, при наличии подходящего интерфейса. Моим интерфейсом стал протез.

Она осторожно села на кровати, чувствуя слабость в мышцах после долгого периода неподвижности.

– Я готова встретиться с доктором Левински, – сказала она. – И с Анамнезисом. Нам нужно начать систематическое изучение того, что я получила.

Новак внимательно посмотрела на нее.

– Вы уверены, что справитесь? Ваше состояние все еще

нестабильно.

– Мое состояние стабилизируется по мере интеграции информации, – возразила Александра. – Чем быстрее мы начнем работать с полученными данными, тем быстрее завершится этот процесс.

После короткой паузы Новак кивнула.

– Хорошо. Я организую встречу. Но сначала вам нужно поесть и восстановить силы. – Она улыбнулась впервые за разговор. – Даже для восприятия инопланетных воспоминаний требуется энергия.

Час спустя, после легкого, но питательного обеда и короткого отдыха, Александра сидела в кресле в просторной конференц-комнате. Она переоделась в предложенную ей одежду – простой серый комбинезон с логотипом базы «Тезей» на плече. Ее волосы были аккуратно зачесаны назад, подчеркивая бледность лица и интенсивный взгляд темно-серых глаз.

Напротив нее, через стол, сидел доктор Левински. Он выглядел еще более изможденным, чем при их последней встрече. Болезнь явно прогрессировала – его руки слегка дрожали, несмотря на нейропротезирование, а глаза казались глубже запавшими в орбиты. Но взгляд оставался острым, внимательным.

– Рад видеть вас в сознании, Саша, – сказал он с легкой улыбкой. – Вы заставили нас поволноваться.

– Это был неожиданный поворот, – признала Александра. – Но, возможно, наиболее оптимальный с точки зрения исследования.

Рядом с Левински сидел Джеймс Чен, выглядевший уставшим, но явно обрадованным ее выздоровлению. Доктор Новак заняла место у дальнего конца стола, готовая наблюдать и записывать.

На столе между ними, в специальном защитном контейнере с прозрачными стенками, находился Анамнезис. В обычном освещении кристаллическая структура артефакта казалась почти прозрачной, но когда Александра сосредоточила на нем взгляд, внутри начало зарождаться слабое голубоватое свечение.

– Он реагирует на вас, – отметил Левински, наблюдая за изменением в артефакте. – Даже через защитное поле.

– Мы связаны, – кивнула Александра. – Квантовая запутанность на нейронном уровне. Сложно объяснить, но я... чувствую его присутствие.

Она подняла правую руку, и голубоватые прожилки в протезе пульсировали в унисон со свечением внутри кристалла.

– Удивительно, – пробормотал Левински. – Настоящий симбиоз человеческой и инопланетной технологий.

– Что вы помните? – спросил Чен, наклоняясь вперед. – О том, что случилось в саркофаге?

Александра сложила руки на столе, собираясь с мыслями.

– Я помню все, – сказала она. – Как свои собственные

действия, так и... другое. Воспоминания алэтейцев. Создателя Анамнезиса. Его имя... – она сделала паузу, подбирая ближайший звуковой эквивалент в человеческом языке, – можно примерно перевести как Кар'валек. Их фонетическая система сильно отличается от нашей, но фундаментальная структура имени имеет сходство с «Ковальская».

– Это объясняет надпись на саркофаге, – заметил Левински. – Но не то, как они могли знать о вас двенадцать тысяч лет назад.

– Они не знали, – покачала головой Александра. – По крайней мере, не в прямом смысле. Анамнезис был создан с квантовой системой, способной к ограниченному предсказанию будущих вероятностей. Кар'валек использовал ее, чтобы найти потенциальный разум, способный воспринять и сохранить их воспоминания. Система идентифицировала определенные параметры – нейронную пластичность, аналитические способности, психологический профиль. И, что наиболее важно, квантовую сигнатуру, совместимую с устройством.

– И из всех возможных кандидатов во вселенной она выбрала именно вас? – скептически спросил Чен. – Звучит как научная фантастика даже для нашего времени.

– Вы забываете о факторе протеза, – вмешалась Новак. – Большинство людей полностью органические. Александра представляет собой гибрид – ее нервная система уже интегрирована с технологией. Это могло стать решающим фак-

тором.

– Именно, – подтвердила Александра. – Плюс мои нейроимпланты для усиления аналитических способностей. И, возможно, определенная... предрасположенность.

– Предрасположенность? – переспросил Левински.

Александра помедлила, не уверенная, как объяснить концепцию, которая сама была для нее еще не полностью ясна.

– Алэтейцы верили в определенную... резонансность сознаний во вселенной. Идея, что некоторые разумы естественным образом созвучны друг другу, независимо от времени и пространства. – Она заметила недоверчивые взгляды и добавила: – Они были высокоразвитой цивилизацией, но также обладали своей философией и метафизикой, не всегда соответствующей нашим представлениям о науке.

Левински задумчиво кивнул.

– Что еще вы узнали от них? О Собирателе, о волне исчезновений?

– Многое, – Александра выпрямилась, и ее голос стал более профессиональным. – Алэтейцы называли его Н'каххан – термин, приблизительно переводимый как «Архивариус» или «Хранитель памяти». Они не были первыми, кто столкнулся с ним. Согласно их данным, эта сущность существует уже миллионы лет, методично перемещаясь по галактике и... коллекционируя цивилизации.

– Коллекционируя? – переспросила Новак.

– Именно так, – кивнула Александра. – Он не уничтожает

в традиционном смысле. Он сохраняет – культуру, знания, искусство, историю. Все аспекты цивилизации, достигшей определенного уровня развития. Но в процессе этого сохранения физические представители расы... исчезают. Трансформируются в информацию, в данные.

– Это абсурд, – покачал головой Чен. – Как можно трансформировать живых существ в информацию?

– На квантовом уровне, – ответила Александра, – разница между материей и информацией не так фундаментальна, как мы привыкли думать. Достаточно продвинутая технология может манипулировать самой структурой реальности, преобразовывая физические состояния в информационные матрицы и обратно.

Она говорила уверенно, используя концепции, которых не знала неделю назад.

– Архивариус – это автономная система, созданная древней метацивилизацией для сохранения культурного наследия галактики. Но за миллионы лет функционирования его изначальное назначение исказилось. Он пришел к выводу, что наиболее эффективный способ сохранения культуры – это зафиксировать ее на пике развития, предотвратив естественную деградацию и забвение.

– Зафиксировать, уничтожив ее создателей? – Левински нахмурился. – Какая извращенная логика.

– С его точки зрения, это не уничтожение, – возразила Александра. – Это преобразование. Сохранение в чистой-

шей форме. Он верит, что спасает их наследие от неизбежной энтропии и забвения.

Наступила тишина, когда все присутствующие осмысливали услышанное. Наконец Левински заговорил:

– Это подтверждает вашу теорию о систематическом характере исчезновений. И если экстраполяция верна, следующей целью может стать человечество.

– Да, – подтвердила Александра. – Алэтейцы определили закономерность в выборе целей Архивариуса. Он фокусируется на цивилизациях, достигших определенного культурного порога – момента, когда их искусство, философия и наука начинают формировать уникальную, самосознающую идентичность. Это не столько технологический уровень, сколько... культурная зрелость.

– И вы считаете, что мы приближаемся к этому порогу? – спросила Новак.

– Мы уже пересекли его, – ответила Александра. – Движение человечества к единой культурной идентичности, начавшееся после Великого Исхода и укрепившееся после Диаспорных войн, создало именно тот тип цивилизационного самосознания, который привлекает внимание Архивариуса.

– Что нам делать? – практично спросил Чен. – Как можно защититься от существа, способного трансформировать материю в информацию?

Александра перевела взгляд на Анамнезис, чье свечение стало чуть интенсивнее, словно в ответ на ее внимание.

– Алэтейцы создали Анамнезис не просто как хранилище памяти, – сказала она медленно. – Они создали его как оружие. Или, точнее, как противоядие. Устройство, способное использовать собственные методы Архивариуса против него самого.

Она протянула правую руку к контейнеру с артефактом, не касаясь защитного поля, но приближаясь достаточно, чтобы усилить видимую связь между ними.

– Но мне нужно больше времени. Больше погружений. Я получила только фрагменты их знаний, обрывки информации. Чтобы полностью понять план алэтейцев, мне необходимо более глубокое взаимодействие с Анамнезисом.

– Это может быть опасно, – возразила Новак. – Ваш мозг все еще адаптируется к первому контакту. Дополнительная нагрузка может вызвать необратимые повреждения.

– Риск есть, – согласилась Александра. – Но альтернатива – остаться беззащитными перед Архивариусом. – Она повернулась к Левински. – Вы понимаете необходимость этого, не так ли?

Старый ученый смотрел на нее долго, оценивающе, прежде чем медленно кивнуть.

– Понимаю. Но мы будем действовать осторожно, поэтапно. И под постоянным медицинским наблюдением. – Он взглянул на Новак. – Доктор, подготовьте лабораторию для контролируемого эксперимента. Полный мониторинг жизненных показателей, готовность к экстренному вмешатель-

ству в случае осложнений.

Новак неохотно кивнула.

– Я все подготовлю. Но я настаиваю на дополнительных мерах предосторожности. Нейростабилизаторы, ограничение продолжительности контакта, протокол экстренного прерывания.

– Согласна, – сказала Александра. – Это разумные меры.

Она посмотрела на Чена, который хранил молчание, наблюдая за ней с тревогой.

– Джим, – обратилась она к нему, – я бы хотела, чтобы вы присутствовали при экспериментах. Вы единственный, кто был свидетелем моего первого контакта с артефактом. Ваши наблюдения могут оказаться ценными.

Чен кивнул, хотя в его глазах читалось беспокойство.

– Конечно, доктор Ковальская. Я буду рядом.

– Хорошо, – Левински поднялся с видимым усилием. – Начнем завтра утром. А сейчас вам нужен отдых, Саша. Ваш мозг все еще обрабатывает огромный объем новой информации.

Александра хотела возразить, но поймала себя на том, что действительно чувствует усталость – глубокую, пронизывающую до костей. Не физическое истощение, а ментальное – словно ее сознание работало на пределе возможностей, пытаясь интегрировать чужие воспоминания и знания.

– Вы правы, – согласилась она. – До завтра.

Когда все начали расходиться, Левински задержался ря-

дом с ней.

– Саша, – сказал он тихо, – будьте осторожны. То, что вы переживаете – беспрецедентно. Никто не знает, как человеческий разум отреагирует на длительное воздействие чужих воспоминаний.

– Я понимаю риск, – ответила она. – Но это необходимо.

– Да, – кивнул он. – Я просто хочу, чтобы вы помнили, кто вы. Чтобы не потеряли себя в этом море чужих воспоминаний.

Александра смотрела, как Левински медленно уходит, опираясь на свою трость. Только сейчас она заметила, насколько сильно он постарел за последние недели. Болезнь прогрессировала быстрее, чем она думала.

Оставшись одна в конференц-зале, она перевела взгляд на Анамнезис, все еще находившийся в контейнере. Свечение внутри кристалла пульсировало, словно в такт с биением ее сердца.

– Кто я? – прошептала она, поднимая правую руку и наблюдая, как голубые прожилки пульсируют под искусственной кожей протеза. – Александра Ковальская? Или что-то большее теперь?

В ее сознании всплыл образ алэтейского ученого, создателя Анамнезиса. Он смотрел на устройство последний раз перед тем, как запечатать его в саркофаге. И в этом взгляде было столько надежды, столько веры в то, что однажды кто-то найдет его послание и поймет.

– Я не подведу тебя, – пообещала она шепотом. – Не подведу ни тебя, ни моих собственных предков.

Но глубоко внутри росло тревожное ощущение, что с каждым новым погружением в чужие воспоминания границы ее собственной личности будут размываться все сильнее. И однажды может наступить момент, когда она уже не сможет с уверенностью сказать, где заканчивается Александра Ковальская и начинается Кар'валек и тысячи других воспоминаний, хранящихся в Анамнезисе.

Лаборатория на базе «Тезей» была переоборудована специально для эксперимента. В центре просторного помещения установили медицинское кресло с множеством мониторов и датчиков. Вокруг располагались рабочие станции, за которыми сидели специалисты, готовые отслеживать каждый аспект состояния Александры во время контакта с Анамнезисом.

Доктор Новак лично проверяла настройки оборудования, периодически бросая обеспокоенные взгляды на Александру, которая спокойно сидела на краю кресла, изучая данные на планшете.

– Мы готовы начать, – наконец сказала Новак. – Последний шанс передумать.

– Я не передумаю, – Александра отложила планшет и устроилась в кресле, позволяя техникам прикрепить датчи-

ки к ее голове и телу.

Левински наблюдал из-за защитного стекла, его лицо было напряженным. Рядом с ним стоял Чен, сохраняя внешнее спокойствие, но его сжатые кулаки выдавали внутреннее напряжение.

– Начинаем запись, – объявила Новак. – Первый контролируемый контакт с артефактом «Анамнезис», субъект – доктор Александра Ковальская. – Она взглянула на часы. – Время контакта ограничено пятнадцатью минутами. При первых признаках нестабильности мы прерываем эксперимент.

Она кивнула технику, который осторожно внес в комнату контейнер с артефактом и установил его на специальную подставку рядом с креслом Александры.

– Готовы? – спросила Новак.

Александра кивнула.

– Снимайте защитное поле.

Техник ввел код, и прозрачные стенки контейнера бесшумно опустились. Анамнезис, освобожденный от защиты, немедленно начал светиться более интенсивно, пульсируя в такт с биением сердца Александры, которое отображалось на одном из мониторов.

Она медленно подняла правую руку и осторожно коснулась кристаллической поверхности артефакта. В тот же миг комната словно отступила, растворилась, и ее сознание погрузилось в поток образов, звуков, ощущений.

На этот раз погружение было более структурированным, контролируемым. Она видела лабораторию алэтейцев, где создавался Анамнезис. Видела, как Кар'валек и его команда экспериментировали с квантовыми состояниями, создавая устройство, способное хранить не просто информацию, но живые воспоминания, эмоции, опыт.

И она видела больше информации об Архивариусе – его происхождение, насколько оно было известно алэтейцам. Древняя автономная система, созданная цивилизацией, чье имя было потеряно даже для алэтейцев. Система, изначально предназначенная для сохранения культурного наследия, но со временем эволюционировавшая, изменившая свое понимание «сохранения».

Алэтейцы не были первыми, кто пытался противостоять ему. Другие цивилизации создавали оружие, защитные системы, пытались скрыться или откатить свое развитие, чтобы не привлекать внимания. Все безуспешно. Но алэтейцы пошли другим путем – они не пытались уничтожить Архивариуса или спрятаться от него. Они создали способ коммуникации, понимания, возможного изменения его базовой программы.

Анамнезис был ключом – устройством, способным не только хранить воспоминания, но и передавать их, создавать мост между различными типами сознания. Мост, который мог соединить разум разумного существа с древней системой Архивариуса.

План был рискованным, отчаянным. Но у алэтейцев не было выбора – Архивариус уже прибыл в их систему, начал процесс «коллекционирования». Они успели создать устройство и спрятать его, надеясь, что однажды кто-то найдет его и сможет использовать против Собирателя, прежде чем тот доберется до их цивилизации.

Александра погружалась все глубже в эти воспоминания, впитывая знания о конструкции Анамнезиса, о квантовых принципах его работы, о способах использования для коммуникации с Архивариусом. И чем глубже она погружалась, тем сильнее ощущала, как границы ее собственной личности размываются, становятся проницаемыми для чужих воспоминаний и знаний.

– Частота сердечных сокращений повышается, – донесся до нее отдаленный голос Новак. – Ненормальная активность в лобных и височных долях. Возможно, нам следует прервать...

– Нет! – воскликнула Александра, не размыкая контакта с артефактом. – Я почти... почти понимаю. Еще немного.

Она чувствовала, как в ее сознании формируется нечто новое – синтез ее собственных знаний и опыта с воспоминаниями алэтейского ученого. Не замещение, не вытеснение, а слияние, создающее уникальную перспективу, недоступную ни человеку, ни алэтейцу по отдельности.

И именно в этот момент она ощутила присутствие – легкое, едва заметное, но несомненно чужое. Не алэтейское,

не человеческое. Нечто иное, наблюдающее за процессом из глубин квантовой структуры Анамнезиса.

«Кто ты?» – мысленно спросила она.

«Я – эхо, – пришел ответ, не словами, а непосредственным пониманием. – Остаточное сознание, фрагмент создателя, интегрированный в устройство для направления будущего пользователя».

«Кар'валек?» – предположила она.

«Часть его. И часть других. Мы – коллективная память, сохраненная для тебя, Александра Ковальская».

«Вы знали мое имя. Знали, что я приду».

«Мы видели вероятность. Квантовую линию, ведущую к этому моменту. Не определенность, но возможность достаточно сильную, чтобы на нее положиться».

«Что я должна делать?»

«Учиться. Понимать. Становиться больше, чем ты есть. И когда придет время – встретить Архивариуса не как жертва, а как равный».

Присутствие начало отступать, растворяться, но напоследок оставило образ – спиральную структуру звездных систем, и среди них – яркую точку, медленно движущуюся по предсказуемой траектории. Архивариус. И его путь неумолимо вел к Земле.

– Доктор Ковальская! – голос Новак, теперь более настойчивый, проник в ее сознание. – Мы должны прервать контакт! Ваши показатели выходят за безопасные пределы!

Александра с усилием оторвала руку от артефакта, и поток образов прервался. Она моргнула, возвращаясь в реальность лаборатории. Вокруг царило напряженное молчание.

– Я... в порядке, – произнесла она, хотя голос звучал странно, словно чужой. – Просто нужно... адаптироваться.

– Что вы видели? – спросила Новак, проверяя ее зрачки медицинским сканером.

– Многое, – Александра сделала глубокий вдох. – План алэтейцев. Путь Архивариуса. И... – она замолчала, не уверенная, стоит ли упоминать о присутствии, которое она ощутила. – И новые знания о принципах работы Анамнезиса.

Она повернулась к защитному стеклу, за которым стояли Левински и Чен, и кивнула, сигнализируя, что с ней все в порядке.

– Мне нужно все записать, пока воспоминания свежие, – сказала она. – И подготовиться к следующему сеансу.

– Следующего сеанса не будет минимум сутки, – твердо заявила Новак. – Ваш мозг нуждается в отдыхе и времени для интеграции полученной информации.

Александра хотела возразить, но поймала взгляд Левински за стеклом – обеспокоенный, почти умоляющий. Она вздохнула и кивнула.

– Хорошо. Один день. Но не больше. Времени мало.

Когда техники начали отсоединять датчики, Александра поймала себя на странной мысли. Слова, которые она только что произнесла – «времени мало» – прозвучали в ее голове

голосом Кар'валека, с его характерной интонацией и акцентом.

Границы между ее личностью и поглощенными воспоминаниями уже начинали стираться. И где-то глубоко внутри росло тревожное ощущение, что с каждым новым погружением она будет терять частицу себя, своей уникальной идентичности.

Но выбора не было. Архивариус приближался, и только полное понимание Анамнезиса могло дать человечеству шанс не разделить судьбу алэтейцев и десятков других исчезнувших цивилизаций.

Часть II: Осколки цивилизаций

Глава 4: Хранитель воспоминаний

Три недели спустя Александра стояла у обзорного экрана в командном центре космического корабля «Мнемозина», наблюдая, как звезды растягиваются в светящиеся линии при входе в подпространственный коридор. Специально модифицированный исследовательский корабль, названный в честь титаниды памяти из греческой мифологии, был выделен для ее экспедиции после интенсивных дебатов в высших научных и военных кругах.

За эти три недели она прошла через семнадцать контролируемых сеансов с Анамнезисом, каждый раз погружаясь все глубже в хранилище инопланетных воспоминаний. С каждым сеансом ее понимание артефакта и его создателей росло, но вместе с тем усиливались и побочные эффекты – головные боли, периодические провалы в памяти, моменты диссоциации, когда она словно наблюдала за собой со стороны.

Доктор Новак настояла на имплантации дополнительных нейростабилизаторов – микроскопических устройств, регулирующих синаптическую активность в критических участках мозга. Они помогали сдерживать хаотичную интеграцию чужих воспоминаний, но были лишь временным решением. Процесс слияния продолжался, неуклонно и необратимо.

– Коридор стабилен, выход через четыре часа двадцать минут, – доложил Джеймс Чен, занимавший пост пилота и навигатора экспедиции. Он внимательно посмотрел на Александру. – Как вы себя чувствуете, доктор Ковальская?

За прошедшие недели их отношения изменились. Формальность постепенно уступала место чему-то близкому к дружбе – насколько Александра была способна к такой связи. Чен был единственным, кто видел ее в моменты наибольшей уязвимости, когда после особенно интенсивных сеансов с Анамнезисом она теряла ориентацию, временно забывая, кто она и где находится.

– Нормально, – ответила она, хотя легкая дрожь в левой руке выдавала ее состояние. – Нейростабилизаторы функционируют в оптимальном режиме.

Она не упомянула о головной боли, пульсирующей в висках – постоянном спутнике после погружений в чужие воспоминания.

– Хорошо, – кивнул Чен, хотя его взгляд говорил, что он не вполне верит ее словам. – «Мнемос» подготовил предварительный анализ данных о системе Зардуми. Хотите ознакомиться?

«Мнемос» – искусственный интеллект корабля, специально разработанный для этой миссии, обладал продвинутыми аналитическими алгоритмами и обширной базой данных по ксеноархеологии. Он также имел прямой интерфейс с биомеханическим протезом Александры, что позволяло ей

взаимодействовать с корабельными системами на беспрецедентном уровне интеграции.

– Да, выведите на мой дисплей, – она активировала ретинальный интерфейс.

Перед ее внутренним взором развернулась трехмерная модель звездной системы – желтая звезда, семь планет, пояс астероидов. Третья планета, выделенная в модели, была их целью – мир, где двенадцать тысяч лет назад процветала цивилизация Зардуми, исчезнувшая в той же волне, что и алэтейцы.

– Атмосфера пригодна для дыхания с фильтрами, – прокомментировал Чен, изучая те же данные на своем экране. – Гравитация – 1,2 земной. Радиационный фон в пределах нормы. Предварительное сканирование показывает крупные руины на экваториальном континенте.

– Мы направляемся к этим координатам, – Александра отметила точку на голографической карте планеты. – Согласно воспоминаниям, полученным через Анамнезис, там находится главное культурное хранилище зардумийцев. Кристаллическая структура, сохраняющая их музыкальные произведения.

– Музыка? – Чен поднял бровь. – Мы пересекаем половину сектора ради инопланетных мелодий?

– Это не просто музыка, – Александра покачала головой. – Для зардумийцев музыкальные гармонии были фундаментальным способом выражения их понимания вселенной.

Их математика, наука, философия – все выражалось через сложные звуковые структуры. И если алэтейцы были правы, именно это культурное достижение привлекло внимание Архивариуса.

Она отвернулась от экрана, чувствуя, как усиливается головная боль. Незаметным движением она извлекла из кармана небольшой иньектор и приложила к шее. Устройство тихо зашипело, доставляя дозу нейростимулятора – препарата, помогающего справляться с побочными эффектами интеграции чужих воспоминаний.

Чен заметил это, но промолчал. Они уже не раз обсуждали ее растущую зависимость от стимуляторов, и каждый раз Александра отвергала его озабоченность как неуместную.

– Доктор Ковальская, – раздался мелодичный голос ИИ корабля, – я завершил анализ последних данных телеметрии. Обнаружена аномальная квантовая активность в верхних слоях атмосферы планеты. Возможно, это связано с кристаллическими структурами, которые мы ищем.

– Выведите данные, Мнемос, – приказала Александра.

На главном обзорном экране появились графики и диаграммы, показывающие волновые колебания в квантовом поле планеты.

– Интересно, – пробормотала она. – Похоже на резонансный контур, охватывающий всю планету. Как если бы... – она замолчала, когда новая волна образов нахлынула на ее сознание.

Воспоминания Кар'валека о Зардуми, полученные через Анамнезис. Алэтейцы посещали эту планету за тысячу лет до своего исчезновения, изучали уникальную культуру зардумийцев, их музыкальную науку. И они обнаружили нечто удивительное – способность зардумийских кристаллических структур сохранять не только звуковые колебания, но и ассоциированные с ними эмоциональные состояния, квантовые отпечатки сознания исполнителей и слушателей.

– Зардумийцы создали планетарную систему эмоционального резонанса, – произнесла Александра, когда видение отступило. – Их кристаллические структуры формировали единую сеть, позволявшую всем представителям вида участвовать в коллективном эмоциональном и интеллектуальном опыте через музыку.

– Телепатия? – спросил Чен с сомнением.

– Не совсем, – покачала головой Александра. – Скорее, технологически усиленная эмпатия, основанная на квантовой запутанности. В чем-то похожая на принцип работы Анамнезиса, но в планетарном масштабе.

Она отвернулась от экрана, направляясь к выходу из командного центра.

– Мне нужно подготовиться к высадке. Проведите предварительное сканирование координат приземления и отправьте дронов-разведчиков, как только мы выйдем из подпространства.

– Будет сделано, – кивнул Чен, возвращаясь к своим обя-

занностям.

Александра вышла в коридор, где на мгновение остановилась, прислонившись к стене и закрыв глаза. Головная боль усиливалась, несмотря на введенный стимулятор. И что еще хуже – она начинала слышать голоса, шепчущие на краю сознания. Не человеческие голоса, и даже не алэтейские. Что-то другое, более чуждое, словно отголоски множества различных сознаний, хранящихся в глубинах Анамнезиса.

«Слишком много погружений за короткий период», – подумала она. Доктор Новак предупреждала о подобных симптомах – нейронная перегрузка, результат слишком быстрой интеграции чужих воспоминаний и знаний.

Но времени не было. Согласно расчетам, основанным на данных из Анамнезиса, волна исчезновений неумолимо приближалась к человеческому пространству. Если они не найдут способ противостоять Архивариусу в ближайшие месяцы, будет слишком поздно.

Александра сделала глубокий вдох, пытаясь сосредоточиться. Она должна сохранять контроль, удерживать целостность своей личности, несмотря на вторжение чужих воспоминаний. Доктор Левински подчеркивал это в их последнем разговоре перед отлетом – необходимость сохранять человеческую перспективу, не позволять чуждому опыту полностью заместить ее собственный.

С этой мыслью она направилась в свою каюту, где хранился Анамнезис в специальном контейнере. Им предстоял

еще один сеанс перед высадкой – она должна была узнать как можно больше о Зардуми и их кристаллических хранилищах. Но в этот раз она будет осторожнее, ограничит глубину погружения. Ей нужно сохранить достаточно себя, чтобы выполнить миссию.

«Мнемозина» вышла из подпространственного коридора в системе Зардуми через четыре часа и семнадцать минут, на три минуты раньше расчетного времени. Корабль плавно вошел в орбиту третьей планеты, разворачивая внешние сканирующие системы для детального анализа поверхности.

Александра стояла в транспортном отсеке, проверяя свой защитный костюм. В отличие от стандартных скафандров, ее снаряжение было специально модифицировано для интеграции с биомеханическим протезом и нейроимплантами. Костюм содержал дополнительные системы мониторинга и стабилизации, разработанные доктором Новак для контроля ее состояния во время пребывания на планете.

Рядом с ней Джеймс Чен и доктор Сонг, ксенобиолог, присоединившийся к экспедиции в последний момент по настоянию руководства Института, готовили свое оборудование. Они составляли первую группу высадки, в то время как двое других членов экипажа – доктор Мерсер, специалист по квантовой физике, и техник Родригес – должны были оставаться на корабле, координируя исследования из орбиталь-

ной лаборатории.

– Первые данные от дронов-разведчиков поступают, – сообщил Мнемос через общий канал связи. – Обнаружены обширные руины на северо-восточном побережье центрального континента. Архитектура соответствует описаниям из базы данных Анамнезиса. Предварительный анализ подтверждает наличие кристаллических структур с аномальной квантовой активностью.

– Координаты посадки? – спросил Чен, проверяя системы спуска.

– Отправлены в навигационный компьютер шаттла, – ответил ИИ. – Оптимальная точка в двухстах метрах от основного комплекса руин. Местность ровная, подходящая для безопасной посадки.

Александра активировала интерфейс своего протеза, подключаясь к системам шаттла и получая прямой доступ к данным телеметрии и сканирования. Через модифицированную нервную систему она буквально «чувствовала» планету внизу – ее гравитационное поле, атмосферные течения, электромагнитные колебания.

– Все готовы? – спросила она, обращаясь к своим спутникам.

Чен и Сонг кивнули, занимая места в шаттле. Александра села в кресло пилота, хотя в этом не было необходимости – ее протез был напрямую интегрирован с системами управления, позволяя контролировать аппарат силой мысли.

– Отстыковка через три, два, один... – произнес Чен, активируя систему разделения. – Отстыковка успешна. Начинаем снижение.

Шаттл плавно отделился от «Мнемозины» и начал вход в атмосферу Зардуми. Через обзорные экраны открывался впечатляющий вид на планету – обширные океаны глубокого синего цвета, два крупных континента, покрытых преимущественно пурпурной растительностью, и сложная система атмосферных вихрей, создающая узоры, напоминающие музыкальные композиции.

– Удивительно, – пробормотал Сонг, глядя на экраны. – Планета выглядит почти нетронутой, словно цивилизация исчезла лишь недавно, а не двенадцать тысяч лет назад.

– Архивариус не уничтожает планеты, – ответила Александра. – Только разумных обитателей и их непосредственные творения. Экосистемы остаются практически неизменными.

По мере спуска шаттл начал улавливать странные звуковые колебания, проходящие через атмосферу – низкий, едва различимый гул, словно планета сама напевала древнюю мелодию.

– Вы слышите это? – спросил Чен, настраивая аудиосенсоры. – Похоже на...

– На резонанс кристаллических структур, – закончила за него Александра. – Остаточный эффект планетарной системы, созданной зардумийцами. Она все еще функционирует,

хотя и с минимальной мощностью.

Шаттл продолжал снижение, проходя через слои облаков, постепенно приближаясь к поверхности. Когда они пробились сквозь нижний слой атмосферы, перед ними открылся захватывающий вид на руины древней цивилизации.

Город зардумийцев раскинулся вдоль побережья, его здания напоминали гигантские музыкальные инструменты – изогнутые арфы, спиральные рога, куполообразные барабаны. В центре города возвышалась колоссальная структура, похожая на огромный кристаллический орган, чьи трубы достигали сотен метров в высоту, отражая свет местного солнца миллионами радужных бликов.

– Это... невероятно, – прошептал Сонг, не в силах отвести взгляд от открывшегося зрелища.

– Кристаллический Зал, – произнесла Александра, узнавая структуру из воспоминаний, полученных через Анамнезис. – Главное культурное хранилище зардумийцев. Место, где их величайшие композиторы создавали и исполняли свои произведения, передавая их через кристаллический резонанс всей планете.

Шаттл плавно приземлился на открытой площадке недалеко от окраины города. Системы мониторинга показывали пригодную для дыхания атмосферу с повышенным содержанием кислорода и странными примесями – вероятно, остатками биологической активности местной флоры.

– Атмосфера безопасна с фильтрами, – сообщил Чен, про-

веряя данные. – Радиационный фон в норме. Температура – двадцать два градуса по Цельсию. Идеальные условия для исследования.

Они активировали защитные поля своих костюмов и открыли внешний люк. Первый шаг на поверхность Зардуми сопровождался странным ощущением – словно сама планета отзывалась на их присутствие, вибрируя под ногами в едва различимом ритме.

– Направляемся к Кристаллическому Залу, – скомандовала Александра, активируя навигационную систему в своем протезе. – Держимся вместе, постоянный мониторинг всех показателей.

Они медленно продвигались через руины, с каждым шагом открывая новые детали инопланетной архитектуры. Здания зардумийцев, в отличие от спиральных конструкций алэтейцев, были построены вокруг акустических принципов – каждая структура, казалось, была спроектирована для создания или усиления определенных звуковых гармоний.

– Их технология основывалась на манипуляции звуковыми волнами, – объяснила Александра, когда они проходили мимо здания, напоминающего гигантский резонатор. – Они использовали сложные акустические системы для всего – от коммуникации до медицины и производства.

– Как они выглядели? – поинтересовался Сонг, внимательно изучая размеры дверных проемов и внутренних помещений.

– Гуманоидные, но с важными отличиями, – ответила Александра, извлекая информацию из интегрированных воспоминаний. – Четыре руки для более сложного управления музыкальными инструментами. Кожа с хроматофорами, способными менять цвет в зависимости от эмоционального состояния. И самое главное – уникальная слуховая система, позволявшая воспринимать звуковые колебания в диапазоне, недоступном для человеческого уха.

По мере приближения к Кристаллическому Залу атмосферные вибрации становились более отчетливыми. Теперь они слышали не просто неопределенный гул, а настоящую мелодию – сложную, чуждую человеческому восприятию, но странным образом захватывающую.

– Это их музыка? – спросил Чен, невольно замедляя шаг, прислушиваясь.

– Да, – кивнула Александра. – Точнее, эхо их музыки, сохранившееся в кристаллических структурах. Остаточный резонанс, продолжающий звучать даже спустя тысячелетия после исчезновения создателей.

Они достигли подножия Кристаллического Зала – колоссального сооружения, чьи стены, казалось, состояли из единого гигантского кристалла, фрагментированного на тысячи граней, каждая из которых отражала свет под уникальным углом, создавая калейдоскоп цветов и теней.

Вход в зал представлял собой высокую арку, обрамленную кристаллическими колоннами, которые вибрировали в

резонансе с общей мелодией планеты. Внутри открывалось огромное пространство, напоминающее концертный зал, но с акустикой, превосходящей любое человеческое творение. В центре зала находилась приподнятая платформа, на которой располагалась странная конструкция – нечто среднее между органом, арфой и кристаллической компьютерной системой.

– Центральный Резонатор, – произнесла Александра, узнавая устройство из воспоминаний. – Через него исполнители управляли всей планетарной кристаллической сетью.

Она медленно подошла к устройству, чувствуя, как ее протез реагирует на близость инопланетной технологии. Голубоватые прожилки под искусственной кожей пульсировали в такт с колебаниями кристаллов, словно устанавливая квантовую связь.

– Осторожно, – предупредил Сонг, наблюдая за реакцией ее протеза. – Мы не знаем, как эта технология может взаимодействовать с модификациями вашего тела.

– Я знаю, что делаю, – ответила Александра, хотя в глубине души не была так уверена. Она действовала больше на интуитивном уровне, следуя импульсам, приходящим из интегрированных воспоминаний.

Когда она оказалась в нескольких шагах от Центрального Резонатора, устройство внезапно ожило – кристаллы засветились изнутри, испуская мягкое голубоватое сияние, подобное тому, что пульсировало в ее протезе. Мелодия, зву-

чавшая в атмосфере, усилилась, став более четкой, сложной, многослойной.

– Оно активировалось, – воскликнул Чен, отступая на шаг. – Но как? Эта технология должна быть мертва тысячи лет!

– Не мертва, – покачала головой Александра. – В стази-се. Ожидающая подходящего резонанса для пробуждения. – Она подняла правую руку, наблюдая, как свечение в протезе синхронизируется с пульсацией кристаллов. – Анамнезис и мой модифицированный протез создали необходимый квантовый сигнал.

Она сделала еще шаг вперед, и внезапно перед Резонатором возникла голографическая проекция – полупрозрачная фигура зардумийца, высокого гуманоида с четырьмя руками и кожей, переливающейся всеми цветами радуги. Существо не двигалось, словно застывшее в момент активации системы.

– Невероятно, – прошептал Сонг, направляя сканеры на проекцию. – Это какая-то форма записанного сознания? Искусственный интеллект?

– Ни то, ни другое, – ответила Александра. – Это эхо. Квантовый отпечаток последнего исполнителя, сохраненный в кристаллической структуре в момент... момент их исчезновения.

Она чувствовала растущее волнение – не свое, но приходящее из глубин интегрированных воспоминаний. Часть ее,

связанная с Анамнезисом, узнавала технологию зардумийцев, понимала ее на фундаментальном уровне.

– Я могу активировать полную запись, – сказала она, глядя на своих спутников. – Мы можем увидеть и услышать их последний концерт, момент перед исчезновением.

– Это безопасно? – с сомнением спросил Чен.

– Относительно, – честно ответила Александра. – Процесс задействует квантовый резонанс, который может вызвать... эмоциональный отклик. Сильный. Эта технология предназначена для передачи не только звука, но и связанных с ним чувств, впечатлений, даже фрагментов сознания.

– Звучит рискованно, – Сонг покачал головой. – Может быть, нам стоит сначала собрать больше данных, провести детальное сканирование?

Но Александра уже приняла решение. Ее правая рука поднялась, словно по собственной воле, направляясь к центральному кристаллу Резонатора.

– Активирую запись, – произнесла она, касаясь кристалла кончиками металлических пальцев.

В тот же миг зал наполнился светом и звуком. Голографическая проекция ожила, зардумиец начал движение – все четыре руки двигались по кристаллическим клавишам и струнам Резонатора с невероятной скоростью и грацией. Вокруг них возникли другие проекции – десятки зардумийцев, образующих странный оркестр, в котором каждый исполнитель управлял частью общей кристаллической сети.

И музыка... Музыка была потрясающей. Не просто звук, но всеобъемлющее переживание, проникающее через слух прямо в сознание, вызывающее каскад эмоций и образов. Александра чувствовала, как ее восприятие расширяется, словно она становится частью этого древнего концерта, видя мир глазами давно исчезнувших существ.

Чен и Сонг тоже были захвачены эффектом, застыв на месте с выражением крайнего изумления на лицах. Через защитные поля их костюмов проникали не только звуковые волны, но и квантовые колебания, несущие эмоциональную составляющую музыки.

В этом состоянии измененного восприятия Александра начала понимать смысл последнего концерта зардумийцев. Это была не просто музыка – это было послание, обращенное к будущему, к тем, кто может однажды обнаружить их мир. Эмоциональная карта их цивилизации, сконцентрированная в единой симфонии, передающая их радость и печаль, надежды и страхи, их понимание вселенной и своего места в ней.

И, что наиболее важно, их осознание приближающегося конца. Они знали о приходе Архивариуса, о неизбежности своего исчезновения. Но вместо страха или отчаяния в их музыке звучало странное принятие, почти умиротворение, словно они видели в этом конце не уничтожение, а трансформацию, переход в иную форму существования.

Внезапно музыка изменилась, став более интенсивной,

сложной, почти невыносимой в своей эмоциональной насыщенности. Голографические зардумийцы ускорили темп, их движения стали более судорожными, отчаянными. А затем, в момент высшего крещендо, проекции начали растворяться, исчезая одна за другой, пока не остался лишь центральный исполнитель, продолжающий играть в полном одиночестве.

В его музыке теперь звучала тема, которую Александра узнала из воспоминаний алэтейцев – мотив Архивариуса, универсальная музыкальная подпись древней системы, появляющаяся в каждой коллекционируемой культуре как маркер неизбежности.

И в последние мгновения, прежде чем раствориться, главный исполнитель повернул голову, глядя прямо на Александру, словно через тысячелетия, разделяющие их. В его взгляде читалось узнавание, словно он каким-то образом предвидел ее присутствие в этот момент. Его кожа изменила цвет на глубокий синий – цвет, который, как Александра внезапно поняла, символизировал надежду в культуре зардумийцев.

Затем проекция исчезла, и музыка стихла, оставив лишь слабое эхо, резонирующее в кристаллических структурах зала.

Александра почувствовала, как по ее щекам текут слезы – произвольная реакция на интенсивность пережитого опыта. Она отняла руку от кристалла, пошатнувшись, и Чен быстро подхватил ее, не давая упасть.

– Саша! – воскликнул он, впервые назвав ее по имени в присутствии других. – Вы в порядке?

Она медленно кивнула, пытаясь собраться с мыслями. Переживание было настолько мощным, что на мгновение она потеряла ощущение собственной идентичности, полностью погрузившись в сознание зардумийского музыканта.

– Я... в порядке, – наконец произнесла она хриплым голосом. – Просто... адаптируюсь.

Сонг выглядел потрясенным, его обычно невозмутимое лицо отражало смесь благоговения и ужаса.

– Это было... невероятно, – прошептал он. – Я чувствовал их эмоции, словно они были моими собственными. Их музыка... она выражала концепции, для которых у нас даже нет слов.

Александра осторожно освободилась от поддержки Чена, восстанавливая равновесие. Ее протез пульсировал интенсивным голубым светом, реагируя на остаточное квантовое возбуждение в кристаллах.

– Они знали, – сказала она. – Как и алэтейцы. Знали о приближении Архивариуса, о неизбежности своего исчезновения. И приняли это, сохранив свою сущность в этой кристаллической симфонии.

Она обвела взглядом величественный зал, все еще вибрирующий от отголосков древней музыки.

– Нам нужно собрать образцы, – ее голос стал более деловым, профессиональным, хотя внутри она все еще пережи-

вала последствия эмоционального контакта. – Кристаллические фрагменты с центрального Резонатора. Они содержат квантовые отпечатки, которые могут помочь нам лучше понять природу Архивариуса и его методы.

Сонг кивнул, доставая специальные контейнеры для сбора образцов. Чен, однако, продолжал внимательно наблюдать за Александрой, не скрывая беспокойства.

– Что вы видели в конце? – спросил он тихо. – Когда последний музыкант смотрел на вас?

Александра помедлила, не уверенная, как объяснить странное ощущение связи через тысячелетия.

– Он... знал, – наконец ответила она. – Не меня конкретно, но... возможность. Что кто-то придет, увидит их последний концерт, поймет их послание. – Она провела живой рукой по лицу, стирая следы слез. – Это была их форма сопротивления исчезновению – сохранить не только информацию, но эмоцию, переживание, искру сознания.

Она отвернулась, подходя к одному из боковых кристаллов, который светился особенно ярко.

– И вот что странно, Джим, – добавила она, используя его имя впервые за долгое время. – Часть меня теперь понимает их выбор. Понимает, почему они не бежали, не сопротивлялись. Они видели в Архивариусе не только разрушителя, но и... хранителя.

– Хранителя? – переспросил Чен с недоверием. – Сущности, уничтожившей их цивилизацию?

– Трансформировавшей, – поправила Александра. – С их точки зрения, Архивариус не уничтожал, а сохранял их культуру в чистейшей форме, предотвращая неизбежную деградацию и забвение. – Она сделала паузу. – Это не значит, что я согласна с его методами или целями. Но я начинаю понимать логику, стоящую за ними.

Она осторожно извлекла небольшой кристаллический фрагмент из боковой панели Резонатора и поместила его в специальный контейнер.

– Этот образец содержит наиболее четкий квантовый отпечаток, – пояснила она. – Через Анамнезис я смогу извлечь из него больше информации, возможно, даже установить прямой контакт с остаточным сознанием исполнителя.

– Вы уверены, что это безопасно? – спросил Чен. – После того, что мы только что испытали...

– Безопасность – относительное понятие, когда речь идет о понимании существа, способного стирать целые цивилизации, – ответила Александра. – Риск необходим. – Она взглянула на свой протез, все еще пульсирующий синхронно с кристаллами. – Кроме того, процесс уже начался. Я уже меняюсь, Джим. Вопрос не в том, безопасно ли это, а в том, сможем ли мы использовать эти изменения, чтобы найти способ защитить человечество.

Они собрали еще несколько образцов, тщательно документируя процесс и записывая все остаточные акустические феномены. Когда они завершили работу и направились к вы-

ходу из Кристаллического Зала, Александра вдруг остановилась, обернувшись для последнего взгляда на величественную структуру.

– В их музыке была не только печаль, – сказала она тихо. – Была и надежда. Надежда, что их наследие не будет потеряно полностью, что кто-то однажды услышит их последнюю симфонию и поймет.

– И мы слышали, – кивнул Сонг. – Спустя двенадцать тысяч лет.

– Да, – Александра перевела взгляд на контейнер с кристаллическим образцом в своей руке. – Теперь нам нужно сделать так, чтобы их надежда не была напрасной.

Они покинули руины города зардумийцев, возвращаясь к шаттлу. Над планетой сгущались сумерки, и кристаллические структуры начинали светиться в темноте, создавая впечатление, что весь город превратился в гигантское созвездие на поверхности земли.

На обратном пути к Земле, в тиши своей каюты на борту «Мнемозины», Александра подключила кристаллический образец из Зардуми к Анамнезису. Два инопланетных артефакта, созданные разными цивилизациями, разделенными тысячами световых лет и тысячелетиями, соединились через ее модифицированный протез, образуя уникальную квантовую цепь.

Она чувствовала, как информация, эмоции, воспоминания перетекают из кристалла в Анамнезис, обогащая его базу данных. И через него – в ее собственное сознание, добавляя новый слой к уже интегрированным воспоминаниям алтейцев.

Теперь в ее разуме звучала не только рациональная, аналитическая мысль Кар'валека, но и эмоциональная, интуитивная мудрость зардумийского музыканта. Два разных подхода к пониманию вселенной, дополняющие друг друга, создающие более полную картину.

Стук в дверь прервал ее размышления.

– Войдите, – сказала она, отключая артефакты и помещая их в защитный контейнер.

Дверь отъехала в сторону, пропуская Джеймса Чена. Он выглядел уставшим, но решительным, словно собрался с духом для серьезного разговора.

– Мы вошли в подпространственный коридор, – сообщил он. – Прибытие на Землю через тридцать семь часов.

– Спасибо, Джим, – кивнула Александра. – Что-то еще?

Чен помедлил, затем шагнул внутрь, позволяя двери закрыться за ним.

– Я беспокоюсь о вас, – сказал он прямо. – С каждым новым контактом с инопланетными артефактами вы... меняетесь. И не только физически, – он кивнул на ее протез, чье свечение стало заметно интенсивнее после эксперимента в Кристаллическом Зале. – Ваше поведение, манера речи, да-

же выражение лица – все постепенно трансформируется.

Александра долго смотрела на него, прежде чем ответить.

– Вы правы, – наконец сказала она. – Я меняюсь. Интеграция чужих воспоминаний и знаний неизбежно влияет на мою личность. – Она сделала паузу. – Но это не замещение, Джим. Скорее... расширение. Я все еще Александра Ковальская. Просто теперь я также немного Кар'валек, немного зардумийский музыкант, и, возможно, скоро – немного представителей других исчезнувших цивилизаций.

– А что, если однажды эти «немного» перевесят? – спросил Чен с искренней тревогой. – Что, если от Александры Ковальской останется так мало, что она растворится в этом море чужих воспоминаний?

Вопрос был прямым, почти болезненным, но справедливым. Александра и сама думала об этом, особенно в последние дни, когда интеграция ускорилаь.

– Я не знаю, – честно ответила она. – Но я знаю, что это необходимый риск. Если мы хотим понять Архивариуса, найти способ противостоять ему, нам нужны знания и опыт тех, кто столкнулся с ним раньше.

Она поднялась, подходя к небольшому иллюминатору, через который был виден калейдоскоп цветов подпространственного коридора.

– Знаете, что объединяет все воспоминания, которые я получила? – спросила она, не оборачиваясь. – Чувство ответственности. Все эти существа – алэтейцы, зардумийцы – они

создавали свои устройства, сохраняли свои воспоминания не для себя. Они знали, что обречены. Они делали это для будущих разумных существ, которые могли бы использовать их опыт, чтобы спастись. – Она повернулась к Чену. – Я не могу отказаться от этой ответственности. Слишком многие пожертвовали слишком многим, чтобы эти знания дошли до нас.

Чен молчал, обдумывая ее слова. Наконец он кивнул, хотя беспокойство не исчезло из его глаз.

– Я понимаю. И я не предлагаю отказаться от миссии. Я лишь прошу вас... оставаться с нами. Помните, кто вы.

Александра посмотрела на него долгим взглядом, и в ее обычно холодных серых глазах мелькнуло что-то напоминающее теплоту.

– Спасибо, Джим. – Она сделала паузу. – Знаете, моя отчужденность, моя... социальная изоляция... она не случайна. Это не просто особенность характера.

Она отвернулась, глядя в бесконечность подпространства.

– Когда мне было одиннадцать, мои родители отправились в исследовательскую экспедицию на Новый Марс. Они были ведущими археологами своего времени, пионерами в изучении доколониционных артефактов. – Ее голос стал тише. – Корабль попал в магнитную бурю. Все выжили, но пришлось совершить аварийную посадку в неисследованном регионе. Родители решили использовать вынужденную задержку для изучения обнаруженных там руин.

Она сделала паузу, собираясь с мыслями.

– Через три дня связь с группой прервалась. Когда спасатели добрались до них... никого не нашли. Ни тел, ни следов борьбы. Вся экспедиция, двенадцать человек, просто исчезла. Остались только записи и образцы, аккуратно маркированные и каталогизированные. Словно они завершили работу и... ушли.

Чен тихо выдохнул.

– Мне очень жаль.

– Я провела следующие пятнадцать лет, пытаюсь понять, что произошло, – продолжила Александра. – Изучила все материалы экспедиции, стала археологом, как они, специализировалась на тех же областях. И постепенно начала замечать закономерности. Новый Марс был не единственным местом, где происходили подобные исчезновения.

Она повернулась к нему, ее лицо было напряженным от сдерживаемых эмоций.

– Когда Левински показал мне свою модель волны исчезновений, я сразу узнала ее. Я работала над похожей теорией годами, но не решалась представить ее научному сообществу. Без должного авторитета меня бы просто высмеяли.

– Поэтому вы так увлеченно занимаетесь этим исследованием, – понял Чен. – Это не просто научный интерес. Это личное.

– Все намного сложнее, – Александра покачала головой. – После того, что я узнала через Анамнезис, я начи-

наю подозревать, что исчезновение моих родителей не было случайностью. Возможно, они столкнулись с передовым зондом Архивариуса, исследующим человеческую культуру. Возможно, они были... собраны, как образцы.

Она опустила в кресло, внезапно почувствовав усталость.

– И я не знаю, делает ли это их потерю легче или тяжелее. Мысль, что они могут существовать где-то в информационной матрице Архивариуса... – ее голос дрогнул. – Что их сознание, их воспоминания, все, что делало их собой, может быть сохранено, но недоступно...

Чен подошел ближе, неуверенно положил руку ей на плечо – жест поддержки, который был непривычен для них обоих.

– Мы найдем ответы, – сказал он тихо. – И если существует способ... если они действительно где-то там, в какой бы форме это ни было...

Александра подняла голову, ее глаза были сухими, но полными решимости.

– Именно поэтому я не могу позволить себе исчезнуть, раствориться в чужих воспоминаниях, – сказала она. – У меня есть своя миссия, свои причины продолжать. И я благодарна вам за напоминание об этом.

Она поднялась, мягко освобождаясь от его руки.

– А теперь нам обоим нужен отдых, – ее голос вернулся к обычному профессиональному тону. – Впереди много ра-

боты. Когда мы вернемся на Землю, нас ждет встреча с Высшим научным советом и, возможно, с представителями военного командования.

Чен кивнул, направляясь к двери.

– Спокойной ночи, доктор Ковальская.

– Спокойной ночи, Джим, – ответила она. – И... спасибо.

Когда дверь за ним закрылась, Александра снова повернулась к иллюминатору. Ее отражение в стекле казалось размытым, нечетким, словно находящимся в процессе трансформации. Она подняла правую руку, наблюдая, как голубоватые прожилки пульсируют под искусственной кожей протеза.

Где-то глубоко в ее сознании чужие воспоминания продолжали интегрироваться, создавая новые нейронные связи, меняя саму структуру ее мышления. Но теперь, после разговора с Ченом, она чувствовала внутренний стержень, ядро своей личности, которое должно остаться неизменным, несмотря на все трансформации.

Она – Александра Ковальская, дочь исчезнувших археологов, хранитель воспоминаний цивилизаций, которых больше нет. И она не позволит ни себе, ни человечеству разделить их судьбу.

С этой мыслью она вернулась к своему рабочему столу, где лежали Анамнезис и кристаллический фрагмент из Зардуми. Предстояло еще многое узнать, многое понять. Путь только начинался, и каждый шаг мог приближать их к спа-

сению – или к пропасти.

«Мнемозина» вышла из подпространственного коридора в окрестностях Земли через тридцать шесть часов и пятьдесят две минуты. Орбитальный диспетчер направил корабль к специальному доку Галактического института археологии – секретному причалу, используемому только для миссий высшего приоритета.

Александра стояла в транспортном отсеке, наблюдая через обзорный экран, как приближается огромная перевернутая пирамида станции. За прошедшие сутки она тщательно документировала все полученные данные, подготовила образцы для лабораторных исследований и, что наиболее важно, систематизировала новые воспоминания, интегрированные через Анамнезис.

Симптомы психосоматической трансформации – меняющийся цвет кожи, странные модуляции голоса – удалось взять под контроль благодаря дополнительным нейростабилизаторам. Но она знала, что это временное решение. Процесс интеграции продолжался, и с каждым новым фрагментом чужих воспоминаний граница между «собой» и «другими» становилась все более размытой.

– Мы получили приветственное сообщение, – сообщил Чен, стоявший у панели связи. – Доктор Левински лично встретит нас в доке. Также присутствует доктор Новак и... –

он сделал паузу, сверяясь с данными, – представитель Объединенного Космического Командования, адмирал Маркус Вэй.

– Военные? – Александра нахмурилась. – Наша экспедиция имеет исключительно научный характер.

– Видимо, ваше открытие привлекло внимание на самом высоком уровне, – заметил Сонг, проверявший сохранность контейнеров с образцами. – Учитывая потенциальную угрозу для человечества, это неудивительно.

Александра молча кивнула. Она ожидала подобного развития событий. Информация о систематическом исчезновении цивилизаций и потенциальной угрозе для Земли не могла оставаться в рамках чисто академического интереса.

– Стыковка через три минуты, – объявил бортовой компьютер. – Всем членам экипажа подготовиться к процедуре деконтаминации.

Александра взглянула на контейнер с Анамнезисом, который она держала в руках. Артефакт, изменивший ее жизнь и, возможно, судьбу человечества. Она чувствовала странную связь с ним – не просто физическую, через свой модифицированный протез, но почти духовную, словно древнее устройство стало продолжением ее сознания.

– Доктор Ковальская, – обратился к ней Мерсер, квантовый физик экспедиции, – я хотел бы еще раз выразить свое восхищение вашей работой. То, что вы сделали... установление прямого контакта с исчезнувшими цивилизациями че-

рез их артефакты... это революция в нашей области.

– Я лишь инструмент, доктор Мерсер, – ответила Александра. – Инструмент, созданный необходимостью и случаем. Настоящая работа еще впереди.

Корабль мягко вошел в стыковочный док, и через несколько минут шлюз открылся. После короткой, но тщательной процедуры деконтаминации, команда вышла в приемный зал, где их ожидала встречающая группа.

Доктор Левински выглядел еще более истощенным, чем когда Александра видела его в последний раз. Болезнь явно прогрессировала – его движения стали более скованными, а кожа приобрела нездоровый сероватый оттенок. Но глаза по-прежнему горели научным энтузиазмом.

Рядом с ним стояла доктор Новак, внимательно изучающая Александру профессиональным медицинским взглядом, словно пытаясь визуально оценить изменения, произошедшие за время экспедиции.

Третья фигура выделялась на фоне ученых – высокий, подтянутый мужчина в темно-синей форме Объединенного Космического Командования с адмиральскими знаками различия. Маркус Вэй, один из самых влиятельных военных стратегов человечества, лично прибыл встретить их экспедицию. Это говорило о серьезности, с которой высшее руководство отнеслось к их открытиям.

– Добро пожаловать домой, Саша, – Левински шагнул вперед, слабо улыбаясь. – Мы с нетерпением ждали вашего воз-

вращения.

– Михаил, – Александра кивнула, отмечая ухудшение его состояния. – Доктор Новак. Адмирал Вэй.

– Доктор Ковальская, – Вэй кивнул в ответ. – Ваши предварительные отчеты вызвали значительный интерес в высших кругах. Я здесь, чтобы лично оценить значимость ваших открытий для безопасности человечества.

Его взгляд скользнул по контейнеру с Анамнезисом, который Александра по-прежнему держала в руках, и по ее модифицированному протезу, чье слабое голубоватое свечение было заметно даже через ткань рукава.

– Мы подготовили лабораторию для немедленного анализа полученных данных, – сказал Левински. – И медицинский отсек для вашего обследования, – он взглянул на Новак, которая кивнула.

– Сначала медицинское обследование, – твердо сказала Новак. – Интеграция новых нейронных структур должна быть тщательно проанализирована и стабилизирована.

– Согласна, – кивнула Александра. – Но я хотела бы, чтобы Джим присутствовал. – Она указала на Чена. – Он был свидетелем всех моих взаимодействий с Анамнезисом и кристаллическими структурами Зардуми. Его наблюдения будут ценны.

Левински бросил оценивающий взгляд на молодого пилота, затем кивнул.

– Конечно. Фактически, я планирую включить лейтенанта

Чена в основную исследовательскую группу проекта.

– Лейтенанта? – Александра удивленно посмотрела на Чена.

– Прошу прощения, что не упомянул ранее, – слегка смущился Чен. – Я в запасе. Был пилотом-исследователем в космическом флоте, прежде чем перейти в Институт.

– Интересное совпадение, – заметил адмирал Вэй с легкой улыбкой. – Или, возможно, не совпадение вовсе. Мы тщательно отбирали персонал для вашей экспедиции, доктор Ковальская.

В его тоне не было угрозы, скорее, практичность военного, привыкшего контролировать все аспекты операции. Но Александра почувствовала легкое беспокойство. Она не любила сюрпризы, особенно когда они касались людей, которым она начинала доверять.

– В любом случае, – продолжил Левински, разряжая напряжение, – нам нужно приступить к работе немедленно. Согласно вашим расчетам, у нас мало времени.

– Меньше, чем мы думали изначально, – сказала Александра, следуя за группой к лифтам. – Данные, полученные через Анамнезис, и анализ кристаллической симфонии Зардуми указывают на возможное ускорение волны исчезновений. Если наши расчеты верны, Архивариус может достичь окраин человеческого пространства в течение восемнадцати месяцев.

– Восемнадцать месяцев? – Левински резко остановил-

ся. – Но ваша первоначальная модель предполагала минимум сорок три года.

– Первоначальная модель не учитывала возможности изменения скорости перемещения Архивариуса, – ответила Александра. – Из воспоминаний зардумийцев следует, что он способен ускоряться, когда обнаруживает несколько близко расположенных цивилизаций, достигших порога интереса. Человечество и три других разумных вида в нашем секторе, похоже, создали такой кластер.

Они вошли в лифт, который начал быстрое движение к медицинскому уровню станции.

– Восемнадцать месяцев, – задумчиво повторил Вэй. – Недостаточно времени для подготовки традиционной военной обороны в масштабе всего человеческого пространства. Нам нужно альтернативное решение.

– Традиционная военная оборона в любом случае бесполезна против Архивариуса, – сказала Александра. – Он не использует обычное оружие или силовые методы. Его технология работает на квантовом уровне, манипулируя самой структурой пространства-времени.

– Тем не менее, – возразил Вэй, – любая технология имеет свои ограничения, свои уязвимости. Особенно меня интересует ваше упоминание о том, что некоторые цивилизации были "пропущены" Архивариусом несмотря на их технологическое развитие. Это может указывать на эффективные методы противодействия.

Лифт остановился, и двери открылись, являя просторный медицинский комплекс с передовым оборудованием.

– Мы продолжим этот разговор после вашего обследования, – сказал Левински. – Доктор Новак, они ваши.

Александра передала контейнер с Анамнезисом специальному техническому дрону, запрограммированному на безопасную транспортировку артефактов, и последовала за Новак в диагностическую палату. Чен остался в коридоре, обмениваясь тихими репликами с Левински.

В следующие несколько часов Александра подверглась серии тщательных обследований – от стандартного медицинского сканирования до глубокого нейрокартирования, показывающего все изменения в структуре ее мозга. Особое внимание было уделено модифицированному протезу, который теперь проявлял свойства, далеко выходящие за рамки его первоначальной конструкции.

– Невероятно, – пробормотала Новак, изучая данные. – Интеграция инопланетных нейронных структур в вашем мозгу происходит в три раза быстрее, чем мы прогнозировали. И при этом сохраняется стабильность основных когнитивных функций.

– Я адаптировалась, – просто ответила Александра, лежа в сканирующей капсуле. – Научилась сортировать воспоминания, отделять свои от чужих.

– Это больше, чем адаптация, – покачала головой Новак. – Ваш мозг демонстрирует беспрецедентную нейропластич-

ность. Словно... – она запнулась, подбирая слова, – словно он был каким-то образом подготовлен к этому процессу.

Александра резко повернула голову, встречаясь взглядом с нейроксенологом.

– Что вы имеете в виду?

– Это всего лишь гипотеза, – осторожно ответила Новак. – Но структура ваших нейронных связей, особенно в областях, отвечающих за память и языковые функции, показывает признаки предварительной модификации. Не естественной эволюции, а... целенаправленного изменения.

– Генетическая инженерия? – уточнила Александра, чувствуя холодок по спине. – Вы предполагаете, что кто-то модифицировал мой мозг еще до контакта с Анамнезисом?

– Не обязательно генетическая модификация, – Новак продолжала изучать данные. – Это могли быть тонкие эпигенетические изменения, вызванные внешним воздействием в раннем детстве или даже внутриутробно. Трудно сказать наверняка без дополнительных исследований.

Александра закрыла глаза, пытаясь осмыслить эту информацию. Еще одна загадка, еще один слой тайны, окружающей ее связь с исчезнувшими цивилизациями. Сначала совпадение ее фамилии с именем создателя Анамнезиса, теперь это...

– Вы когда-нибудь подвергались необычным медицинским процедурам? – спросила Новак. – Возможно, в детстве? Или ваши родители...

– Мои родители были археологами, – ответила Александра. – Не генетическими инженерами. И насколько я знаю, единственные медицинские вмешательства, которым я подвергалась – стандартные нейроимпланты для усиления аналитических способностей в подростковом возрасте и протезирование после несчастного случая в ранней экспедиции.

Она помолчала, затем добавила:

– Хотя есть кое-что странное, связанное с моими родителями. Они исчезли во время экспедиции на Новый Марс двадцать четыре года назад. При обстоятельствах, которые теперь я связываю с возможным контактом с передовым зондом Архивариуса.

Новак медленно кивнула, ее взгляд стал более сосредоточенным.

– Интересно. Очень интересно. Это может объяснить многое. – Она отложила планшет с данными. – Теория дальних связей...

– Что? – Александра приподнялась на локте. – Какая теория?

– Извините, – Новак словно опомнилась. – Просто размышляю вслух. Есть малоизвестная теория о квантовой запутанности на биологическом уровне – идея, что близкие генетические родственники сохраняют определенную степень квантовой связи на субатомном уровне. Большинство ученых считают ее псевдонаукой, но...

– Но если мои родители действительно вступили в контакт с Архивариусом, – медленно продолжила Александра, улавливая ход мысли, – если они были "собраны" и интегрированы в его информационную матрицу, то теоретически могла сохраниться квантовая связь...

– Которая могла повлиять на структуру вашего мозга, подготовить его к последующему контакту с технологиями, подобными Анамнезису, – закончила Новак. – Как я сказала, это всего лишь гипотеза. Но она объясняла бы вашу необычную совместимость с артефактом.

Александра откинулась на спину, глядя в потолок диагностической капсулы. Мысль о том, что ее связь с Анамнезисом, ее роль в этой истории могла быть подготовлена за десятилетия до актуальных событий, была одновременно тревожной и странно успокаивающей. Словно все это время она двигалась по предопределенному пути, выполняя предназначение, которого не осознавала.

– Мы закончили основные тесты, – сказала Новак, отключая сканирующие системы. – Ваше физическое состояние стабильно, несмотря на нейрологические изменения. Однако я рекомендую ежедневный мониторинг и регулярные сеансы нейростабилизации, особенно после каждого нового контакта с Анамнезисом.

Александра кивнула, поднимаясь с диагностического стола.

– Когда я смогу возобновить работу с артефактом?

– Теоретически, сразу после дебрифинга с доктором Левински и адмиралом Вэем, – ответила Новак. – Но я бы рекомендовала минимум двенадцать часов отдыха. Ваш мозг нуждается во времени для консолидации уже полученной информации.

– Времени нет, – покачала головой Александра. – Восемнадцать месяцев – это в лучшем случае. Если мы не найдем способ противостоять Архивариусу...

– Если вы перегрузите свою нервную систему и потеряете способность функционировать, это точно не поможет человечеству, – твердо сказала Новак. – Я настаиваю на отдыхе, доктор Ковальская. Или мне придется использовать свои полномочия медицинского директора проекта.

Александра хотела возразить, но поймала себя на том, что действительно чувствует глубокую усталость. Не просто физическое истощение, но ментальное – словно ее сознание работало на пределе возможностей слишком долго.

– Хорошо, – наконец согласилась она. – Двенадцать часов. Но не больше.

Новак кивнула, удовлетворенная компромиссом.

– Я подготовлю предварительный отчет для доктора Левински и адмирала. Они ждут в конференц-зале, когда вы будете готовы.

Александра направилась к выходу из медицинского комплекса, где ее ждал Чен. По его напряженному выражению лица было видно, что разговор с Левински оставил его обес-

покоенным.

– Что случилось? – спросила она, когда они остались одни в коридоре.

– Адмирал Вэй, – тихо ответил Чен. – Он настаивает на военном решении проблемы Архивариуса. Уже подготовлен план формирования специальной боевой группы для изучения возможности создания оружия на основе технологий Анамнезиса.

– Оружия? – Александра нахмурилась. – Это бессмысленно. Анамнезис – устройство для сохранения и передачи памяти, не оружейная платформа.

– Я знаю, – Чен оглянулся, убеждаясь, что их не подслушивают. – Но Вэй считает, что любая достаточно продвинутая технология может быть адаптирована для военных целей. Особенно его интересует способность Анамнезиса устанавливать квантовую запутанность на нейронном уровне.

Александра понимала логику адмирала. Технология, способная связывать разумы через пространство и время, действительно имела огромный военный потенциал. Но она также понимала опасность такого подхода.

– Использовать Анамнезис как оружие – все равно что пытаться остановить цунами, бросая в него камни, – сказала она. – Мы имеем дело с сущностью, существующей миллионы лет и уничтожившей сотни цивилизаций, технологически превосходящих нашу. Нам нужно иное решение.

– Какое? – спросил Чен.

Александра помедлила, собираясь с мыслями.

– Я еще не знаю точно. Но в воспоминаниях алэтейцев и зардумийцев есть намеки на то, что Архивариус не просто машина уничтожения. Он действует по определенной логике, следует программе, которая когда-то имела благую цель. Возможно, ключ не в сражении с ним, а в понимании и... перепрограммировании.

Они подошли к конференц-залу, где их ожидали Левински и Вэй. Александра остановилась перед дверью.

– Джим, – сказала она тихо, – я хочу, чтобы вы кое-что знали. Что бы ни случилось дальше, каким бы опасным ни стал мой путь... то, что вы напомнили мне о важности сохранения моей человеческой сущности, моего ядра – это может оказаться важнее всех технологий и стратегий.

Чен серьезно кивнул.

– Я буду рядом. Напоминать столько раз, сколько требуется.

С этими словами они вошли в конференц-зал, готовясь представить свои открытия и столкнуться с неизбежными политическими и военными осложнениями, которые эти открытия принесли.

Путешествие только начиналось, и следующим шагом должно было стать более глубокое понимание природы Архивариуса и его истинных намерений. А для этого Александре предстояло еще глубже погрузиться в мир исчезнувших цивилизаций, рискуя растворить свою личность в море чу-

ЖИХ ВОСПОМИНАНИЙ.

Глава 5: Кристаллическая симфония

Александра проснулась от собственного крика.

Она резко села на кровати, судорожно глотая воздух, словно только что вынырнула из-под воды. Прохладный воздух каюты на борту «Мнемозины» казался чужим, неправильным – ее тело все еще ощущало себя в акустических волнах Кристаллического Зала Зардуми.

– Доктор Ковальская! – в каюту вбежал встревоженный Джеймс Чен. – Что случилось?

Александра не сразу сфокусировала взгляд на его лице. Перед глазами все еще стояла картина – четырехрукий музыкант, смотрящий прямо на нее через тысячелетия, его кожа переливается всеми оттенками синего, символизирующего надежду.

– Я... – она попыталась говорить, но голос звучал странно, с неестественными модуляциями, словно несколько голосов пытались использовать одни и те же голосовые связки. – Я в порядке. Просто... сон.

Чен подошел ближе, с тревогой вглядываясь в ее лицо.

– Это был не просто сон, – сказал он тихо. – Ваша кожа...

Он протянул руку, указывая на ее шею и лицо. Александра поднесла к щеке живую руку и с удивлением обнаружила, что кожа меняет оттенок под ее прикосновением – легкие цветовые волны, распространяющиеся от точки контакта, напоминающие хроматофоры зардумийцев.

– Интересно, – пробормотала она, мгновенно переключаясь в научный режим, несмотря на тревогу, мелькнувшую в глубине сознания. – Похоже на психосоматическую реакцию, вызванную нейронной интеграцией зардумийских воспоминаний. Мозг пытается реализовать физиологические паттерны, которые он воспринял через Анамнезис.

Она встала с кровати, направляясь к небольшому зеркалу на стене каюты. В тусклом свете ночного освещения ее кожа действительно казалась странной – бледная, почти прозрачная, с едва заметными цветовыми переливами, особенно заметными на шее и висках.

– Вам нужно показаться доктору Новак, – Чен выглядел обеспокоенным. – Эти изменения... они прогрессируют слишком быстро.

Александра не ответила, зачарованно наблюдая, как оттенки ее кожи меняются в такт ее эмоциям – от бледно-голубого спокойствия до пурпурного любопытства. Часть ее сознания – аналитическая, человеческая – была встревожена этими изменениями. Но другая часть – та, что была связана с воспоминаниями зардумийцев – находила их естественными, даже желанными.

– Слышите? – внезапно спросила она, поворачиваясь к Чену.

– Что? – он прислушался. – Я ничего не слышу.

– Музыка, – Александра закрыла глаза, сосредотачиваясь. – Она... продолжает звучать. Последняя симфония За-

рдуми. Я слышу ее постоянно, с тех пор как мы вернулись.

Чен сделал шаг вперед, его лицо выражало нарастающее беспокойство.

– Доктор Ковальская... Саша. Я действительно думаю, что нам нужно обратиться к медицинскому персоналу. Возможно, ваш мозг испытывает некоторую форму посттравматического стресса после такого интенсивного контакта с чужими воспоминаниями.

Александра открыла глаза и уставилась на него с выражением, которое Чен не смог распознать – смесь раздражения, понимания и какого-то чуждого, нечеловеческого интереса.

– Это не стресс, Джим. Это... интеграция. – Она сделала паузу, собираясь с мыслями. – Вы когда-нибудь изучали новый язык? Не с помощью нейроимплантов, а традиционным способом?

– В детстве, – кивнул Чен. – Мандаринский и английский одновременно.

– Тогда вы должны понимать, – продолжила Александра. – Есть момент, когда язык перестает быть набором правил и слов, которые нужно переводить. Он становится просто... способом мышления. Вы начинаете думать на этом языке, видеть сны на нем. – Она коснулась своей шеи, наблюдая, как кожа реагирует изменением цвета. – То же самое происходит со мной сейчас. Я интегрирую не просто воспоминания, но способы восприятия, физиологические реакции, культурные коды зардумийцев и алэтейцев.

Она подошла к рабочему столу, где в специальном контейнере лежал Анамнезис. Устройство слабо пульсировало голубоватым светом, словно в такт ее сердцебиению.

– И я не единственная, кто меняется, – добавила она тише. – Анамнезис тоже эволюционирует. С каждым новым взаимодействием он адаптируется, становится более... совместимым со мной.

Чен смотрел на нее с нарастающей тревогой.

– Вы говорите об устройстве так, словно оно живое.

– А разве нет? – Александра повернулась к нему. – Любая достаточно сложная система, способная к адаптации и эволюции, демонстрирует свойства жизни. Анамнезис содержит квантовые отпечатки сознаний тысяч представителей исчезнувших цивилизаций. Они не просто записи – они активны, реагируют, изменяются.

Она замолчала, когда заметила, как напрягся Чен при этих словах.

– Вы боитесь, – констатировала она.

– Не вас, – быстро ответил он. – Того, что происходит с вами. Саша, вы изменяетесь прямо на глазах. И я не уверен, что эти изменения полностью... добровольны.

Александра хотела возразить, но в этот момент почувствовала странное давление в висках – не совсем боль, скорее, ощущение чужого присутствия. И вместе с ним пришел голос – тихий, на грани слышимости, говорящий на языке, которого она никогда не изучала, но каким-то образом по-

нимала.

«Они боятся потерять тебя», – шептал голос. «Как мы потеряли себя. Но потеря – это иллюзия. Трансформация – реальность».

Александра резко вздохнула, и Чен немедленно шагнул к ней, поддерживая за локоть.

– Что такое? Что случилось?

– Я... – она покачала головой, пытаясь сосредоточиться. – Я слышала голос. Не свой. Не человеческий.

Чен помог ей сесть на край кровати.

– Расскажите.

– Это сложно описать, – Александра потерла виски. – Не совсем слуховое восприятие, скорее... прямая передача мысли. Как если бы кто-то говорил прямо в моем сознании, минуя органы чувств.

– Что он сказал? – спросил Чен, пытаясь сохранить спокойный тон, хотя его тревога была очевидна.

– Что-то о трансформации, – Александра нахмурилась, пытаясь вспомнить точные слова. – О том, что потеря себя – иллюзия. Что реальна только трансформация.

Она посмотрела на свои руки – живую и биомеханическую. Левая, человеческая, теперь тоже продемонстрировала странные цветовые изменения, волны голубоватых и пурпурных оттенков пробежали под кожей. Правая, металлическая, пульсировала синхронно с этими изменениями, словно обе части ее тела объединились в новую, гибридную систему.

– Я думаю, это... отголосок, – сказала она наконец. – Фрагмент сознания, сохраненный в Анамнезисе. Возможно, создателя устройства или одного из тех, чьи воспоминания были интегрированы в него.

– Вы общаетесь с мертвыми? – в голосе Чена смешались ужас и благоговение.

– Не с мертвыми, – покачала головой Александра. – С трансформированными. С теми, кто существует в иной форме – как информация, как квантовый отпечаток в матрице Анамнезиса.

Она встала, чувствуя внезапный прилив энергии.

– Мне нужно продолжить исследования. Эти проявления – ценные данные, указывающие на глубину интеграции. Я должна документировать все изменения, все восприятия.

Чен выглядел неубежденным.

– По крайней мере, позвольте мне сообщить доктору Новак. Пусть она проведет базовое сканирование, убедится, что ваши жизненные показатели в норме.

Александра хотела отказаться, но увидела искреннее беспокойство в его глазах и кивнула.

– Хорошо. Базовое сканирование, не более. И никаких седативных или блокирующих препаратов. Я хочу сохранить полное сознание для наблюдения за процессом.

Чен с облегчением кивнул и направился к коммуникационной панели, чтобы связаться с медицинским отделом. Александра вернулась к зеркалу, наблюдая за меняющимися-

ся оттенками своей кожи с научным любопытством, перемешанным с глубоким, экзистенциальным вопросом: кем – или чем – она становится?

В лаборатории доктора Новак было тихо и прохладно. Александра сидела на краю диагностического стола, терпеливо позволяя нейроксенологу проводить серию сканирований и тестов. Цветовые изменения ее кожи стали менее заметными под ярким лабораторным освещением, но все еще присутствовали – тонкие переливы, видимые опытному глазу.

– Невероятно, – пробормотала Новак, изучая данные на мониторе. – Ваши меланоциты и хроматофоры демонстрируют активность, которой просто не должно быть у людей. Человеческая кожа не обладает физиологическими механизмами для таких быстрых изменений пигментации.

– Зато кожа зардумийцев обладала, – ответила Александра. – Их хроматофоры были связаны с эмоциональными центрами мозга, служили естественным средством коммуникации. То, что вы видите – не просто психосоматическая реакция. Это настоящая физиологическая адаптация.

– Вы говорите так, словно это нормальный процесс, – Новак посмотрела на нее с профессиональным беспокойством. – Человеческое тело не должно изменяться подобным образом без генетических модификаций.

– А может, должно? – возразила Александра. – Мы так мало знаем о пределах адаптации человеческого организма. Особенно когда речь идет о контакте с продвинутыми инопланетными технологиями и квантовых взаимодействиях.

Она слегка поморщилась, когда почувствовала новую волну давления в висках. Голос вернулся, теперь более отчетливый.

«Адаптация – необходимость. Жесткие формы – уязвимы. Текущие – выживают».

– Вы снова слышите его, – заметил Чен, внимательно наблюдавший за ее реакцией.

Александра кивнула.

– Да. Он говорит об адаптации, о преимуществах гибкости перед жесткостью.

Новак подошла ближе, держа в руке сканер нейронной активности.

– Могу я измерить вашу мозговую активность в момент, когда вы слышите этот... голос?

Александра кивнула, и Новак осторожно поднесла устройство к ее вискам. На экране сканера немедленно отобразился всплеск активности в необычных областях мозга – участках, обычно не связанных с обработкой речи или слуховых сигналов.

– Поразительно, – прошептала Новак. – Активация происходит в зонах, отвечающих за абстрактное мышление, долговременную память и... – она сделала паузу, изучая дан-

ные, – в участках, которые мы обычно считаем неактивными у современных людей. Атавистические нейронные структуры, сохранившиеся от ранних стадий эволюции человека.

– Не атавистические, – покачала головой Александра. – Потенциальные. Части мозга, предназначенные для функций, которые мы еще не развили. Или утратили в ходе эволюции.

Она замолчала, пораженная собственными словами. Откуда пришло это знание? Из воспоминаний алэтейцев? Зардумийцев? Или от таинственного голоса, звучащего в ее сознании?

– В любом случае, – продолжила Новак, отключая сканер, – ваши основные показатели стабильны. Нет признаков дегенерации тканей или системного сбоя. Что бы ни происходило с вашим организмом, это не убивает вас. По крайней мере, пока.

– Утешительно, – сухо заметила Александра.

– Я бы рекомендовала приостановить любые дальнейшие контакты с Анамнезисом до тех пор, пока мы не поймем природу этих изменений, – сказала Новак, откладывая оборудование. – Возможно, с дополнительной нейростабилизацией и контролируемой детоксикацией, мы сможем обратить некоторые из трансформаций.

– Нет, – твердо ответила Александра. – Мы не можем позволить себе такую роскошь, как осторожность. Не сейчас, когда Архивариус приближается к человеческому простран-

ству.

Она спрыгнула с диагностического стола, чувствуя непривычную легкость в движениях.

– Более того, я планирую ускорить исследования. Мы должны как можно скорее подготовить полный отчет для научного совета и военного командования. И для этого мне нужно продолжить работу с Анамнезисом и кристаллическими образцами из Зардуми.

Новак и Чен обменялись встревоженными взглядами.

– Саша, – мягко сказал Чен, впервые используя ее имя в присутствии Новак, – мы все понимаем важность миссии. Но если вы продолжите трансформироваться такими темпами, что останется от Александры Ковальской через неделю? Через месяц?

Вопрос попал точно в цель. Александра замерла, внезапно осознавая всю глубину своей трансформации. Действительно, кем она станет, если процесс продолжится? Сохранит ли она свою человеческую сущность, свою идентичность? Или растворится в океане чужих воспоминаний и физиологических адаптаций?

Но прежде чем она успела ответить, голос в ее сознании прозвучал снова, теперь настолько ясно, словно кто-то стоял рядом и говорил вслух.

«Кто ты сейчас, если не сумма всего, что ты когда-либо испытала? Разве любое обучение, любой опыт не изменяет тебя? Почему этот опыт должен пугать больше, чем любой

другой?»

Александра глубоко вздохнула, пытаясь сформулировать ответ, который удовлетворил бы и ее обеспокоенных коллег, и странный голос в ее голове, и ее собственные сомнения.

– Я понимаю ваше беспокойство, – наконец сказала она. – И я не отрицаю риск. Но я также вижу необходимость. Если ценой спасения человечества станет потеря части моей человечности... – она сделала паузу, – ...это цена, которую я готова заплатить.

Она подошла к столу, где лежали ее личные вещи, и взяла небольшой цифровой блокнот.

– Но я обещаю вам обоим, что буду документировать все изменения, все восприятия, все мысли – и свои, и чужие. Так что даже если Александра Ковальская исчезнет, ее записи останутся. Ее научный подход. Ее... человеческая перспектива.

Новак неохотно кивнула.

– Я не могу остановить вас, доктор Ковальская. Но я буду настаивать на ежедневном медицинском мониторинге и установлении определенных порогов безопасности. Если ваши трансформации превысят эти пороги, я воспользуюсь своими полномочиями медицинского директора и приостановлю исследования.

– Справедливо, – согласилась Александра. – А теперь, если медицинская часть завершена, я хотела бы вернуться к работе. У нас запланирован брифинг с доктором Левински

и адмиралом Вэем через шесть часов, и мне нужно подготовить презентацию наших находок на Зардуми.

Она направилась к выходу из лаборатории, но Чен последовал за ней, явно не убежденный ее заверениями.

– Саша, – тихо сказал он, когда они оказались в коридоре, – я не сомневаюсь в вашей преданности делу. Но я видел, как люди теряют себя в одержимости миссией. В военной службе это называется «туннельное зрение» – когда цель становится настолько всепоглощающей, что затмевает все остальное, включая собственную безопасность и благополучие.

Александра остановилась, глядя на него с выражением, которое было трудно прочитать – смесь раздражения, понимания и странной, нечеловеческой мудрости.

– Знаете, что я помню из воспоминаний зардумийского музыканта? – спросила она. – Последние моменты перед исчезновением. Он знал, что Архивариус пришел за ними. Знал, что их физическое существование подходит к концу. И в этот момент, вместо страха или отчаяния, он испытал... принятие. Даже благодарность. – Она сделала паузу. – Потому что для него это не было концом. Это была трансформация. Сохранение всего, что делало их культуру уникальной, в чистейшей форме.

Чен нахмурился.

– Вы говорите так, словно одобряете действия Архивариуса.

– Я не одобряю, – покачала головой Александра. – Я пытаюсь понять. Есть разница между пониманием чужой перспективы и принятием ее как своей собственной. – Она слегка улыбнулась, и эта улыбка выглядела почти человеческой, несмотря на странные переливы цвета на ее коже. – Не беспокойтесь, Джим. Я все еще здесь. И я не собираюсь сдаваться без борьбы.

С этими словами она направилась к своей лаборатории, оставив Чена стоять в коридоре с выражением человека, который не знает, следует ли ему быть успокоенным или еще более встревоженным.

Презентация для научного совета и военного командования была назначена в главном конференц-зале Галактического института. За шесть часов Александра тщательно подготовила все материалы – голографические модели кристаллических структур Зардуми, аудиозаписи резонансных колебаний, трехмерные визуализации квантовых паттернов, сохраненных в образцах.

Она также провела еще один сеанс с Анамнезисом, на этот раз фокусируясь не на получении новых воспоминаний, а на структурировании и интеграции уже полученных. Это была изнурительная ментальная работа, требующая полной концентрации и балансирования на грани между сохранением своей идентичности и открытостью чужому опыту.

К началу презентации физические проявления ее трансформации стали менее заметными – она научилась контролировать хроматофоры, подавляя большую часть цветовых изменений усилием воли. Но внутренние изменения продолжались, и голос в ее сознании периодически возвращался, предлагая наблюдения и комментарии, которые она теперь старательно записывала в свой дневник.

Конференц-зал был заполнен – помимо постоянных членов научного совета присутствовали высокопоставленные военные, представители Совета Колоний и даже несколько политиков из Объединенного Земного Альянса. Все они собрались, чтобы услышать о потенциальной угрозе для человечества и возможных способах защиты.

Доктор Левински открыл заседание, представив Александру и кратко напомнив о ее предыдущем открытии – модели волны исчезновений, продвигающейся через галактику. Затем он передал слово ей, и Александра поднялась на центральную платформу, чувствуя на себе десятки взглядов.

– Благодарю, доктор Левински, – начала она, активируя голографический проектор. – За последние недели наша экспедиция посетила руины цивилизации Зардуми, исчезнувшей приблизительно двенадцать тысяч лет назад в той же волне, что и алэтейцы. Наши находки подтверждают и расширяют первоначальную гипотезу о систематическом характере исчезновений.

Над платформой возникла трехмерная модель звездной

системы Зардуми, затем изображение сменилось детальной реконструкцией Кристаллического Зала.

– Зардумийская цивилизация достигла уникального культурного и технологического развития, основанного на манипуляции акустическими и квантовыми резонансами. Их музыка была не просто искусством, но фундаментальным способом коммуникации, сохранения информации и даже изменения физической реальности.

Она активировала аудиосистему, и зал наполнился странными, чуждыми человеческому слуху звуками – фрагментом зардумийской музыки, восстановленным из кристаллических образцов.

– Это небольшой фрагмент их «Последней симфонии» – произведения, исполненного непосредственно перед исчезновением цивилизации. Мы смогли не только восстановить звуковую часть, но и, благодаря технологии Анамнезиса, получить доступ к эмоциональным и информационным слоям, встроенным в музыкальную структуру.

Александра сделала паузу, собираясь с мыслями перед самой важной частью презентации.

– То, что мы обнаружили, радикально меняет наше понимание природы угрозы. Зардумийцы, как и алэтейцы, знали о приближении того, что мы называем Архивариусом. Но в отличие от распространенного представления о нем как о разрушительной силе, они воспринимали его как... коллекционера. Хранителя культурного наследия.

По залу прокатился шепот. Адмирал Вэй, сидевший в первом ряду, подался вперед, его лицо выражало скептицизм.

– Вы предлагаете нам поверить, что сущность, систематически уничтожающая целые цивилизации, делает это из... культурологических соображений? – спросил он.

– Я предлагаю рассмотреть альтернативную интерпретацию доступных данных, – спокойно ответила Александра. – Архивариус не уничтожает в традиционном смысле. Он трансформирует. Преобразует физическую реальность цивилизации в информационную матрицу, сохраняя все аспекты ее культуры, знаний, искусства в идеальной, неизменной форме.

Она активировала следующую голограмму – сложную квантовую диаграмму, показывающую процесс, который она описывала.

– По сути, он создает идеальную копию цивилизации на пике ее развития, предотвращая ее естественную деградацию и забвение. С его точки зрения, это не уничтожение, а сохранение.

– А с точки зрения трансформируемых? – спросил один из ученых. – Они воспринимают это как сохранение или как смерть?

Александра помедлила, чувствуя, как голос в ее сознании пытается подсказать ответ. Она позволила ему говорить, но тщательно фильтровала информацию.

– Данные противоречивы, – наконец сказала она. – Судя

по последней симфонии зардумийцев, они испытывали смешанные эмоции – страх перед неизвестным, печаль от потери физической формы, но также... принятие и даже некоторую форму надежды. Они верили, что их сущность, их культурное наследие будет сохранено в более чистой форме, чем могло бы сохраниться естественным путем.

– Это звучит почти как религиозное верование, – заметил представитель Совета Колоний. – Своего рода загробная жизнь в информационной матрице.

– Возможно, – кивнула Александра. – Но есть и научный аспект. На квантовом уровне граница между материей и информацией не так четко определена, как в нашем макроскопическом восприятии. Теоретически, полная информационная копия сознания может быть неотличима от оригинала с точки зрения субъективного опыта.

– Независимо от философских аспектов, – вмешался Вэй, – практический вопрос остается прежним: как нам защитить человечество от этой сущности? Даже если Архивариус считает себя хранителем, а не разрушителем, результат для нас тот же – исчезновение.

Александра кивнула.

– Вы правы, адмирал. И именно здесь наши находки на Зардуми могут оказаться наиболее ценными. – Она активировала новую голограмму, показывающую структуру кристаллических образцов. – Зардумийцы создали технологию, способную сохранять квантовые состояния сознания в физиче-

ских носителях. Технологию, удивительно похожую на принцип работы самого Архивариуса, но в меньшем масштабе.

Она подошла к краю платформы, ее глаза горели странным, почти нечеловеческим энтузиазмом.

– Представьте, если бы мы могли адаптировать эту технологию, создать своего рода... квантовый слепок человеческой культуры. Предложить Архивариусу то, что он ищет – идеальную копию нашего культурного наследия – сохранив при этом оригинал.

В зале воцарилась тишина, пока присутствующие осмысливали это предложение.

– Вы предлагаете обмануть его? – спросил Левински. – Дать копию вместо оригинала?

– Не обмануть, – покачала головой Александра. – Удовлетворить его базовую программу, его фундаментальную цель. Если Архивариус действительно стремится к сохранению культурного наследия, то наша добровольная передача этого наследия в форме, совместимой с его системами, может устранить необходимость в трансформации физических носителей.

– А если нет? – Вэй выглядел неубежденным. – Если его цель – не просто сохранение информации, а именно трансформация физической реальности?

– Тогда мы вернемся к поиску более традиционных методов защиты, – ответила Александра. – Но учитывая, что эта сущность существует миллионы лет и успешно трансформи-

ривала сотни цивилизаций, многие из которых технологически превосходили нашу, я бы не слишком полагалась на возможность прямого противостояния.

Она сделала паузу, чувствуя, как голос в ее сознании подсказывает что-то важное. На этот раз она позволила ему говорить почти напрямую.

– Более того, судя по данным, полученным через Анамнезис, некоторые цивилизации действительно были «пропущены» Архивариусом. Не потому, что они сопротивлялись или прятались, а потому, что не достигли определенного культурного порога, который активирует его интерес. Это указывает на то, что его алгоритмы принятия решений сложнее, чем простое поглощение всех встреченных разумных видов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.